

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Тринадцатая Конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов и лекций

Санкт-Петербург
24–26 ноября 2016 г.

Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2016

УДК 81
ББК 81.2
Т-67

Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: Нестор-История, 2016. — 170 с.

ISBN

© Коллектив авторов, 2016
© ИЛИ РАН, 2016
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Нестор-История», 2016

I. Доклады

Е. С. Аглонова

СПбГУ, Санкт-Петербург

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА БЕЗ ПОСЕССОРА В ЯЗЫКЕ БАМАНА

В языке бамана (манде < нигер-конго) термины родства зачастую употребляются с эксплицитно выраженным посессором. Однако это не всегда так.

- (1) *Jàra-den* *yé* *fà* *mìne* *kà*
лев-ребенок PFV.TR отец хватать INF
bá *mìne*.
мать хватать

‘Львенок схватил отца и схватил мать’.

[gorog1979-waraden_min_be.dis.html]

В (1) термины родства *fà* ‘отец’ и *bá* ‘мать’ не имеют посессора.

О склонности терминов родства к обязательному употреблению с посессором упоминается в [Dahl, Кортъевская-Тамм 2001: 211]. Это связано с ингерентной неотчуждаемостью терминов родства. Семантика таких имен предполагает обязательное наличие посессора, выступающего в качестве «референциального якоря» (anchor). Целью исследования является попытка определения контекстов, в которых все-таки возможно употребление терминов родства без эксплицитно выраженного посессора. Исследование проводилось на материале корпуса языка бамана Le Corpus Bambara de Référence.

Самыми распространенными условиями, необходимыми для опущения посессора, оказались дискурсивные факторы: использование термина родства в предшествующем дискурсе с посессивным местоимением или зависимым именем (2) и низкий референциальный статус термина родства, характерный для пословиц или дидактических текстов (3).

- (2) *Fàamanje nà-na kà*
 Фаамандже приходить-PFV.INTR INF
n'í kánto à fà mà <...> Fà
 приходить.REFL обращаться SG отец PP отец
kó: mùn ké-ra?
 QUOT что делать-PFV.INTR
 ‘Фаамандже подошел к (своему) отцу и обратился к нему
 <...> Отец спросил: «Что случилось?»’.
 [banbera-faamanje_ni_faantanje.dis.html]

В (2) при первом упоминании *fà* ‘отец’ употребляется с посессивным местоимением, тогда как при всех последующих упоминаниях оно опускается.

- (3) *Dén fóló bé jò fà jàyrò lá,*
 ребенок первый IPFV.AFF ставить отец роль PP
àlé dè bé ké dùgutigi yé.
 3SG.EMPH FOC IPFV.AFF делать вождь PP
 ‘Первый ребенок занимает место отца, и именно он становится вождем деревни’.
 [bird_hutchison_kante-an_ka_bamanankan.dis.html]

В (3) речь идет о правилах наследования власти в бананской деревне: *dén* ‘сын’ и *fà* ‘отец’ употребляются в генерическом контексте, не имея конкретных референтов в реальном мире.

Помимо дискурсивных факторов, опущение посессора может зависеть от ряда синтаксических условий. Во-первых, возможно опущение посессора в эквативной конструкции, где первый член кореферентен второму (4). Во-вторых, посессор всегда опускается при генерическом отрицании (5).

- (4) *Nká à k' à dón kó: án tò-w,*
 но 3SG SBJV 3SG знать QUOT 1PL остаток-PL
án yé bá-w ní fà-w yé.
 1PL EQU мать-PL и отец-PL PP
 ‘Но он должен знать, что мы оставшиеся, мы — матери и отцы’.
 [kuyate-sous_1_orage.dis.html]

В (4) первый член эквативной конструкции, выраженный местоимением *án* ‘мы’, кореферентен второму члену, выраженному координативной именной группой, составляющими которой являются термины родства.

- (5) *Fà té à lá, bá té à lá, ò*
отец COP.NEG 3SG PP мать COP.NEG 3SG PP это
file nín yé, ò ké-ra fàama yé.
смотреть этот PP это делать-PFV.INTR правитель PP
‘У него нет отца, у него нет матери, и вот он стал правителем’. [meyer_gorog-contes_bambara.dis.html]

В (5) отрицается существование лиц, к которым реферируют термины родства.

Итак, несмотря на то, что в языке бамана термины родства, как правило, употребляются с эксплицитно выраженным посессором, существует ряд контекстов, где возможно опущение посессора при термине родства. В основном это связано с дискурсивными факторами. При этом важно отметить, что наличие того или иного дискурсивного фактора не определяет однозначно отсутствие посессора, тогда как более редкие контексты, например, генерическое отрицание, строго запрещают наличие посессивного местоимения.

Список условных сокращений

COP NEG — копула неглагольного отрицательного локативного предложения; EMPH — эмфатическая серия местоимений; EQU — копула в эквативном неглагольном предложении; FOC — фокализатор; INF — инфинитив; IPFV.AFF — утвердительный имперфектив; OPT — оптатив; PFV.INTR — перфектив для интранзитивных глаголов; PFV.TR — перфектив для транзитивных глаголов; PP — послелог; QUOT — квотативная копула; REFL — рефлексивное местоимение.

Источники

Corpus Bambara de Référence — Le Corpus Bambara de Référence. (<http://cormand.huma-num.fr/>).

Литература

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Dimensions of Possession [Typological Studies in Language 47]. John Benjamins, 2001. P. 211–225.

П. М. Аркадьев

Исл РАН — РГГУ — МПГУ, Москва

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКЦИОНАЛЬНОСТИ,
АСПЕКТА И ВРЕМЕНИ В УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
КУБАНСКОГО ДИАЛЕКТА
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА¹**

Во многих языках мира показатели прошедшего времени выступают в условных конструкциях для выражения контрфактивного значения [James 1982; Dahl 1997; Iatridou 2000]; это особенно характерно для форм, выражающих значения из зоны «сверхпрошлого» [Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013]. В большинстве исследований на эту тему рассматривались в основном вопросы, связанные с временной референцией и модальной интерпретацией условных конструкций, в то время как роль аспекта и акциональности систематически не изучалась. В моей работе, основанной на полевых данных, собранных в июле 2016 г. в ходе экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в а. Блечепсин Кошехабльского р-на Респ. Адыгея, предлагается анализ взаимодействия всех трех указанных факторов.

Адыгские языки обладают богатыми системами времен, основанными на противопоставлении перфективного претерита и имперфекта, показатели которых могут комбинироваться для выражения значений зоны сверхпрошлого, см. [Короткова 2009; Со-мин 2011; Клягина 2016]. В кабардино-черкесском языке и его диалектах показателем «ретроспективного сдвига», образующим основные формы сверхпрошлого, служит суффикс имперфекта *-i(e)*. В ирреальных условных конструкциях он используется и в протазисе, и в аподозисе, причем если протазис имеет референ-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00580.

цию к прошлому, имперфект присоединяется к суффиксу претерита:

- (1) *dəv^wase thamex^we = max^w-a-te-me*
 вчера воскресенье=день-PST-IPF-COND
de də-lež^w'e-ne-te-qəm
 мы 1PL.ABS-работать-FUT-IPF-NEG
 ‘Если бы вчера был выходной, мы бы не работали’.

Такая композиционная картина, однако, не учитывает ситуации, где протазис сам имеет имперфективную интерпретацию и где ожидалось бы два вхождения показателя имперфекта — один с аспектуальным, другой с ирреальным значением. Удвоение имперфекта, однако, недопустимо, так что имперфективные протазисы могут иметь референцию как к прошлому, так и к настоящему и быть как контрфактивными, так и реальными в зависимости от контекста и от формы аподозиса, ср. (2) и (3).

- (2) *jə-pe-č'e turcije-m*
 POSS-раньше-INS Турция-OBL
wə-k^we-te-me, tərkwə-bze
 2SG.ABS-идти-IPF-COND турок-язык
ʂə-z-we-mə-ve-çəx^w-a-r *λo?*
 REL.RSN-RFL.IO-2SG.ERG-NEG-CAUS-знать-PST-ABS что
 ‘Если ты раньше ездила в Турцию, почему не выучила турецкий язык?’

- (3) *ʂ'əpstu weš'x q-je-mə-š'x-te-me*
 сейчас дождь DIR-DAT-NEG-дождить-IPF-COND
qe-t-k^wehə-ne-t
 DIR-1PL.ERG-ходить-FUT-IPF
 ‘Если бы сейчас не шел дождь, мы бы пошли гулять’.

Допустимость собственно контрфактивных форм *-a-te-me* «претерит-имперфект-кондиционал» зависит от акциональности и аспекта: при предельных глаголах они выражают только перфективность и противопоставлены имперфекту (4), в то время как при неопределенных и особенно стативных глаголах эти формы допустимы и в имперфективных контекстах, ср. (1).

- (4) *dæ^wase s-jə-ne^wənž'e-xe-r*
 вчера 1SG-POSS-очки-PL-ABS
qe-z-B^wet-a-te-me / **qe-z-B^wet-te-me*
 DIR-1SG.ERG-найти-PST-IPF-COND DIR-1SG.ERG-найти-IPF-COND
w-jə-pjəs'mo-m s-je-ž'e-fə-ne-t
 2SG-POSS-письмо-OBL 1SG.ABS-DAT-читать-HBL-FUT-IPF
 'Если бы я вчера нашла очки, я бы смогла прочесть твое письмо'.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; CAUS — каузатив; COND — кондиционал; DAT — дативный преверб; DIR — директивный преверб; ERG — личный показатель ряда эргатива; FUT — будущее время; HBL — хабилитив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфект; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; RSN — причинный показатель; SG — единственное число.

Литература

- Клягина 2016 — Е. С. Клягина. Система прошедших времен в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка. Курсовая работа. РГГУ, М., 2016.
- Короткова 2009 — Н. А. Короткова. Прошлое и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтезизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 262–286.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Сомин 2011 — А. А. Сомин. Система прошедших времен в бесленевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3, 2011. С. 438–443.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 97–114.

- Iatridou 2000 — S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // *Linguistic Inquiry* 31(2), 2000. P. 231–270.
- James 1982 — D. James. Past tense and the hypothetical. A cross-linguistic study // *Studies in Language* 6(3), 1982. P. 375–403.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59(4), 2006. P. 317–349.

Т. А. Архангельский, М. Н. Усачёва

НИУ ВШЭ, МГУ, Москва

ФУНКЦИИ ПОСЕССИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ 3 ЛИЦА В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ: АНАЛИЗ РАЗМЕЧЕННОГО КОРПУСА

Во многих уральских языках (волжских, пермских, обско-угорских) показатели посессива 3 и 2 лица выражают не только посессивные значения [Лыткин и др. 1974]. Отмечалось, что в литературном удмуртском языке [Перевошиков 1962: 84; Winkler 2001: 29] и в бесермянском диалекте [Тепляшина 1970: 176] посессивы 2 и 3 лица маркируют определенность, а также контрастный фокус [Кузнецова 2012]. По нашим данным, в бесермянском диалекте эти показатели находятся в процессе грамматикализации в маркеры определенности, но пока не используются для выражения определенности *per se*.

Исследование основано на анализе выборки существительных и реляционных имен из корпуса бесермянских текстов (<http://beserman.ru/corpus/>). Выборка включает 10 текстов разных жанров. Существительные и группы с реляционными именами были размечены по наличию/отсутствию посессивных показателей и по другим параметрам. Общий объем выборки — около 2000 имен. После разметки факторы, коррелирующие с употреблением показателя P.3SG (-*ez*/*-âz*), были проанализированы вручную и с помощью алгоритмов машинного обучения. Посессивный показатель P.2SG не рассматривался из-за недостаточного количества примеров. В итоговой выборке 72% употреблений не имели посессивного маркирования.

Среди параметров, по которым были размечены все имена выборки, значимыми (коррелирующими с вероятностью употребления показателя P.3SG) оказались одушевленность, падеж зависимого (генитив или номинатив), семантический класс, синтаксическая позиция, референциальный статус и референциальное

расстояние (расстояние в клаузах до предыдущего упоминания референта). Незначимыми оказались принадлежность к классу имен с неотчуждаемой принадлежностью, расстояние в клаузах до первого упоминания референта и topic persistence (количество упоминаний референта на протяжении нескольких клауз, предшествующих данному употреблению). Еще несколько параметров, в первую очередь связанных с информационной структурой (например, тема-рематическое членение), в настоящий момент размечаются.

На размеченных данных были натренированы две модели машинного обучения (SVM и деревья решений), предсказывающие появление показателя P.3SG по значениям всех размечаемых параметров. Точность моделей, проверенная на сбалансированной по числу посессивных и непосессивных употреблений подвыборке, составила 81% (SVM). Это означает, что параметры действительно до некоторой степени объясняют выбор посессивного оформления, но исследование следует продолжить. Из дерева решений, построенного по размеченным данным, видно, что наиболее значим референциальный статус имени. Имена с определенным и слабоопределенным статусом употребляются без посессива в 56% и 61% случаев соответственно, а имена с более низкими статусами — в 92% случаев.

Интересно референциальное расстояние, размеченное для определенных и слабоопределенных употреблений. Поскольку разница, например, между расстояниями в 2 и 3 клаузы намного важнее, чем между расстояниями в 22 и 23 клаузы, расстояния были сгруппированы в интервалы экспоненциально увеличивающейся длины, после чего доля посессивных употреблений была подсчитана для каждого интервала. Оказалось, что рост референциального расстояния в рамках 15–20 клауз увеличивает вероятность появления посессива. Однако после этого вероятность наоборот уменьшается, а с совсем большими расстояниями ведет себя нестабильно. Таким образом, показатель P.3SG используется для реактивации референта, который недавно упоминался, но успел потерять активацию. Обратный эффект на расстояниях больше 20 клауз (начиная с 6-го интервала), видимо, означает, что, начиная с некоторого референциального расстояния очередное

упоминание референта в разговоре вводит его заново — говорящий сбрасывает «референциальный счетчик».

Литература

- Кузнецова 2012 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 250–252.
- Лыткин и др. (ред.) 1974 — В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи (отв. ред.). Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.
- Первошиков (отв. ред.) 1962 — П. Н. Первошиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. [Languages of the World 212]. Munich: Lincom Europa, 2001.

К. А. Багдасарян
НИУ ВШЭ, Москва

К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛОВ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТА

В последние годы в лингвистической типологии растет интерес к сопоставительным исследованиям лексики (ср. [Плунгян, Рахилина 2007; Kortjevskaja-Tamm 2008]). Среди глагольных семантических полей, которые становятся предметом изучения, можно отметить прежде всего движение, но также и перемещение объекта (ср. *давать* в [Newman (ed.) 1998], *класть* и *брать* в [Кореска, Narasimhan (eds.) 2012]).

Настоящая работа посвящена анализу глаголов одного из типов каузированного перемещения — глаголов извлечения объекта (ср. в русском языке *доставать*, *вынимать*, *извлекать* и под.) Материалом для исследования послужили данные 14 языков: русского, английского, немецкого, французского, итальянского, шведского, финского, армянского, татарского, японского, корейского, китайского, мокшанского и коми.

Методологической базой работы стал фреймовый подход, предложенный в [Рахилина, Резникова 2013]. В соответствии с этой методикой, на основании корпусов и словарей мы выделили прототипические ситуации (= фреймы), характерные для исследуемого поля (ср. *достать книгу с полки*, *вынуть платок из кармана* и под.). Эти фреймы послужили основой для анкеты, которая предъявлялась информантам-носителям; они же отображаются на семантической карте, которая позволяет визуализировать типологические различия между лексическими системами.

В фреймовую анкету также включены переносные употребления исследуемых глаголов. Изучение семантических сдвигов позволяет, во-первых, удостовериться в воспроизводимости метафорических моделей полисемии, а во-вторых, уточнить структуру прямых значений (см. [Рахилина 2007; Рахилина, Резникова 2013]).

Анализ фреймов, которые может покрывать тот или иной глагол, позволяет выявить основные принципы лексикализации рассматриваемой ситуации. Для извлечения объекта наиболее характерными являются два аспекта: способ осуществления действия и конечная точка, в которой оказывается объект в результате действия. При этом глагол может как «выбирать» один из этих аспектов, так и маркировать обе семантические составляющие либо посредством словообразовательных средств, либо за счет конструкции, в составе которой он выступает.

В этом отношении лексикализация извлечения объекта отчасти сходна с моделями, хорошо известными из работ Л. Талми о глаголах движения [Talmy 1985].

Так, в татарском языке корень глагола *йолку* кодирует способ извлечения — резкое движение, в том числе с применением силы (ср. русск. *дергать*, *рвать*). Именно способ действия, задаваемый глаголом, определяет круг фреймов, которые он может покрывать: татарский *йолку* употребляется во фреймах ‘зуб’, ‘волосы/сорняки’, ‘брови’, ‘плоды с дерева’.

Вместе с тем лексема может маркировать и маршрут движения, в нашем случае — то, что объект оказывается вне контейнера. При этом маршрут может кодироваться как в корне (ср. франц. *sortir* ‘вынимать’), так и в «сателлите», ср. русский приставочный дериват *вынуть*.

Как и в системе Л. Талми, конструкция, в которой употребляется глагол извлечения, часто совмещает в себе выражение способа действия и маршрута. Так, в русском языке маршрут часто кодируется приставкой *вы-*, а способ — корнем (ср. *вытащить*, *выдернуть*).

Помимо выбора определенной модели лексикализации, для противопоставлений внутри исследуемого семантического поля могут быть релевантны и более частные свойства ситуации. Так, для объекта, вынимаемого из контейнера, существенным может быть его расположение относительно субъекта: далеко или близко, ср. *достать* vs. *вынуть* в русском языке. Противопоставление может касаться положения объекта в контейнере: вплотную

к стенкам или другим объектам vs. свободно, ср. *ziehen* vs. *holen* в немецком языке.

Таким образом, структура поля извлечения объекта имеет достаточно сложную организацию (частотны случаи «наложения» семантики глаголов друг на друга) и может учитывать самые разные аспекты ситуации, связанные со способом, местом и целью осуществляемого действия.

Литература

- Рахилина 2007 — Е. В. Рахилина. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 76–105.
- Рахилина, Плунгян 2007 — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 9–26.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Копеcka, Narasimhan (eds.) 2012 — А. Копеcka, В. Narasimhan (eds). Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective. Amsterdam, 2012.
- Коптjевскаjа-Тамм 2008 — М. Коптjевскаjа-Тамм. Approaching lexical typology // М. Vanhove (ed.). From Polysemy to Semantic Change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam, 2008.
- Newman (ed.) 1998 — J. Newman (ed.). The Linguistics of Giving. Amsterdam, 1998.
- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Т. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description 3: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge, 1985.

М. А. Бибаева
НИУ ВШЭ, Москва

ДЕПИКТИВЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель этой работы — исследовать депиктивные конструкции в горномарийском языке. Для этого были изучены данные, полученные во время лингвистической экспедиции в с. Микряково Козьмодемьянского р-на Респ. Марий Эл летом 2016 г.

В горномарийском языке вторичные предикаты в общем виде устроены следующим образом: прилагательное или существительное, выступающее в роли предиката, находится в постпозиции относительно контролера и согласуется с ним по падежу, в отличие от прилагательного в ИГ:

- (1) *mән'* [*šokšə səkərə-m*] *kačkaš jarat-ə-m*
я теплый хлеб-ACC есть любить-NPST-1SG
'Я люблю есть теплый хлеб'.
- (2) *mән'* *sə rə-m* *šokšə-m* *kačkaš jarat-ə-m*
я хлеб-ACC теплый-ACC есть любить-NPST-1SG
'Я люблю есть хлеб теплым'.

Было обнаружено несколько типов депиктивных конструкций, имеющих разное падежное маркирование: в основном при помощи номинатива (3) и аккумулятива (4), в некоторых случаях при помощи компаратива (5) или латива (6).

- (3) *vas'a maša-m pətərišə kəč-ən*
Вася Маша-ACC первый.NOM ловить-PRF.3SG
'Вася поймал Машу первым'.
- (4) *vas'a maša-m pətərišə-m kəč-ən*
Вася Маша-ACC первый-ACC ловить-PRF.3SG
'Вася поймал Машу первой'.

Тип конструкции и падеж определяются «ориентированностью»: subject-oriented (1) vs. object-oriented (2), а также ее се-

мантикой [Himmelman, Schultze-Berndt 2005]. Если в русском языке ориентированность предиката определяется с помощью согласования по роду и числу, то в горномарийском языке согласование происходит по падежу, именно поэтому основными падежами для предикатов являются номинатив и аккузатив — падежи субъекта и объекта соответственно. Также выбор падежа может зависеть от семантики конструкции: в периферийных значениях не происходит согласования по падежу, хотя постпозитивность сохраняется.

- (5) *nänä tädä-län podarka-äš knigä-m pu-evä*
они он-DAT подарок-LAT книга-ACC давать-AOR.3SG
'Ему подарили книгу в качестве подарка/*подарком'.
- (6) *tädä geroj-la kol-än*
он герой-CMRP умереть-PRF.3SG
'Он умер героем'.

В докладе будут представлены и разобраны все выявленные в процессе исследования типы депиктивных конструкций, предполагается также провести сравнение с другими финно-угорскими языками и русским языком, а также проанализировать другие вторичные предикаты горномарийского языка.

Литература

- Himmelman, Schultze-Berndt 2005 — N. P. Himmelman, E. Schultze-Berndt. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: introduction // N. P. Himmelman, E. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–67.
- van der Auwera, Malchukov 2005 — J. van der Auwera, A. Malchukov. A semantic map for depictive adjectivals // N. P. Himmelman, E. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 393–421.

Д. А. Бикина
НИУ ВШЭ, Москва

ДВОЙНОЕ МАРКИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как правило, неопределенные местоимения состоят из основы, обозначающей онтологическую категорию, и маркера неопределенности [Haspelmath 1997: 22]. Настоящий доклад посвящен случаям одновременного маркирования неопределенных местоимений двумя различными показателями неопределенности в горномарийском языке¹.

В горномарийском языке среди прочих представлена местоименная серия, образующаяся с помощью препозитивного показателя *ta-*. Местоимения этой серии выступают в референтных контекстах:

- (1) *män' tälät* *ta-ma-m* *näl-en-äm*
я ты.DAT.POSS.2SG INDEF-что-ACC взять-PF-1SG
'Я тебе кое-что купила'.

Однако местоимения с показателем *ta-* могут дополнительно маркироваться другими показателями неопределенности, в частности, постпозитивным маркером *gän'ät* или показателем *än'ät*, который может располагаться как после местоименной основы, так и на левой периферии словоформы. Оба этих показателя возводятся к условному союзу *γän'* [Berezcki 2002: 76–77]. Местоимения с показателями *gän'ät/än'ät* употребляются в ряде ирреальных контекстов.

¹ Данные были собраны в ходе экспедиций МГУ и НИУ ВШЭ в Горномарийский р-н Респ. Марий Эл (июнь-август 2016 г.; экспедиция поддержана грантом РФНФ № 17-04-18036 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков»). Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

- (2) *van'a ma-m gän'-ät / ma-m än'ät / än'ät ma-m*
 Ваня что-ACC если-ADD что-ACC INDEF INDEF что-ACC
mârê-ne-žä
 пять-DES-3SG
 ‘Ваня хочет что-нибудь спеть’.

Местоимения, маркированные одновременно показателями *ta-* и *gän'ät/än'ät*, выступают только в нереферентных контекстах, но их семантика связана со значением выбора из множества. При сочетании маркеров *ta-* и *gän'ät* это ограничение является чуть менее строгим, чем тогда, когда комбинируются маркеры *ta-* и *än'ät*: если в первом случае дважды маркированная форма оказывается более предпочтительным, но не единственно возможным вариантом (4а), то во втором случае форма без дополнительного маркирования показателем *ta-* запрещается (4б):

- (3) *lem-eš ma-m gän'-ät / ^{OK}ma-m än'ät*
 суп-ЛАТ что-ACC если-ADD что-ACC INDEF
/ [?]ta-ma-m gän'-ät / [?]ta-ma-m
 INDEF-что-ACC если-ADD INDEF-что-ACC
än'ät pištä-mäkä, li-eš totlâ-rak
 INDEF класть-CVB.SIM статья-NPST.3SG вкусный-CMPR
 ‘Если в суп что-нибудь положить, станет вкуснее’.

- (4а) *ti šudâ-vlä logâc lem-eš ta-ma-m gän'-ät*
 этот трава-PL из суп-ЛАТ INDEF-что-ACC если-ADD
/ ^{??}ma-m gän'-ät pištä-mäkä, li-eš
 что-ACC если-ADD класть-CVB.SIM статья-NPST.3SG
totlâ-rak
 вкусный-CMPR

- (4б) *ti šudâ-vlä logâc lem-eš ta-ma-m än'ät / *ma-m*
 этот трава-PL из суп-ЛАТ INDEF-что-ACC INDEF что-ACC
än'ät pištä-mäkä, li-eš totlâ-rak
 INDEF класть-CVB.SIM статья-NPST.3SG вкусный-CMPR
 ‘Если в суп положить что-нибудь из этих трав, станет вкуснее’.

Показатель *ta-* исторически связан с мордовским указательным местоимением *tʼε* — предположительно, эта основа стала показа-

телем неопределенных местоимений в чувашском языке, откуда заимствовалась в марийский язык в той же функции [Bereczki 2002: 74]. Примечательно, что похожий семантический эффект возникает при маркировании неопределенных местоимений определенным склонением в мокшанском языке [Bikina 2016]; при этом источником мокшанского показателя определенности также является указательное местоимение [Серебренников 1967].

Помимо семантики местоимений с двойным маркированием неопределенности, в докладе предполагается рассмотреть ограничения, связанные с онтологической категорией неопределенного местоимения, а также вопрос конкуренции дважды маркированных форм с другим способом выражения семантики выбора из множества в горномарийском языке — маркером POSS.3SG.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CMPR — сравнительная степень; CVB — конверб; DAT — датив; DES — дезидератив; INDEF — неопределенность; LAT — латив; NPST — не прошедшее время; PF — перфект; POSS — посессивность; SIM — одновременность; SG — единственное число.

Литература

- Серебренников 1967 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
- Bereczki 2002 — G. Bereczki. A cseremisz nyelv történeti alakтана. Debrecen, 2002.
- Bikina 2016 — D. Bikina. Definite indefinites: evidence from Moksha Mordvin. Paper presented at the School in Typology, HSE, Moscow, 11–13 April 2016.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

А. Д. Бочкова

МГУ, Москва

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В работе рассматривается взаимодействие факторов, регулирующих употребление показателя множественного числа в горномарийском языке. Материал получен в ходе полевой работы в с. Кузнецово Горномарийского р-на Респ. Марий Эл с помощью переводных анкет и предъявления визуальных стимулов.

В [Corbett 2004; Haspelmath 2013] в качестве факторов, которые могут определять выбор числового маркирования, выделялись позиция в иерархии одушевленности (ИО) и референциальный статус.

Исходя из данных [Шматова, Черниговская 2012] для лугового марийского, а также данных [Alhoniemi 1993] для горномарийского, ожидалось, что SG в некоторых случаях может использоваться для обозначения множественного референта. В [Шматова, Черниговская 2012] отмечается, что на выбор граммы могут влиять референциальный статус и дискурсивные факторы.

В первом приближении вероятность появления показателя PL тем выше, чем более высокую позицию занимает существительное в иерархии одушевленности.

Таблица 1. PL > SG

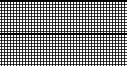
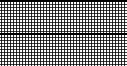
Люди	Животные	Неодушевленные объекты	
		COUNT	MASS
PL/*SG	PL > SG	PL > SG	SG/ ^{OK} PL

Помимо этого, мы провели эксперимент с визуальными стимулами. 19 респондентам было предъявлено 54 стимула. Стимулы были подобраны по принципу различного положения

¹ Поддержано грантом РГНФ № 16-04-18037е.

в иерархии одушевленности; также внутри каждого подкласса по одушевленности выделялись объекты разной величины. Использовалась классификация семантических классов по [Ляшевская 2004]. Эксперимент показал, что на вероятность маркирования существительного показателем PL влияет размер объекта (для всех позиций в ИО) и семантический класс (только для неодушевленных объектов).

Таблица 2. Частотность маркирования существительных PL: эксперимент

	Люди	Животные	Неодушевленные объекты		
			Еда ²	Парные ³	Прочее
Большие	100%	100%	57,89%		100%
Маленькие	94,74%	73,68%	10,53%		0%

Следующим значимым параметром является референциальный статус ИГ. В референтных ИГ всегда (за исключением семантического класса «еда») используется показатель PL. В нереферентных ИГ выбор числового показателя регулируется положением в ИО, см. Таблицу 3 на следующей странице.

В качестве одного из возможных факторов проверялась синтаксическая позиция. Было установлено, что в косвенных позициях маркирование показателем PL менее обязательно, причем эта тенденция проявляется тем сильнее, чем ниже существительное в ИО, см. Таблицу 4.

² Данным ярлыком обозначаются съедобные плоды растений (картофель, ягоды, тыквы и др.). В это множество не входят, с одной стороны, конфеты, а с другой стороны, цветы — они демонстрируют другое поведение.

³ Вероятнее всего, для парных объектов важен не фактор размера, а другие факторы, например, «возможность использования по отдельности», ср. точку зрения, согласно которой оппозиция форм числа — это указание на расчлененность PL и нерасчлененность SG [Кузнецова 1998: 341]. Так, согласно нашим данным, *руки* маркируются показателем PL в 57,89% случаев, а *сапоги* — в 10,53% случаев.

Числовое маркирование существительных

Таблица 3. Референциальные характеристики

		Одушевленность			
Референциальный статус		Человек	Животные	Неодушевленные	
				Не еда	Еда
Референтная ИГ	Определенная	PL/*SG ⁴	PL/*SG ⁵	PL/*SG	SG/ ^{OK} PL
	Неопределенная	PL/*SG	PL/*SG	PL/*SG	PL/ [?] SG
Нереферентная ИГ	Экзистенциальная	PL/*SG	PL/ ^{OK} SG ⁶	PL/ ^{OK} SG	PL/ ^{OK} SG
	Универсальная	PL/ ^{OK} SG	PL/ ^{OK} SG	PL/ [?] SG	SG/ ^{OK} PL
	Родовая	PL/ ^{OK} SG	SG/ ^{OK} PL	SG/ ^{OK} PL ⁷	SG/ ^{OK} PL

Таблица 4. Вероятность маркирования SG

Синтаксическая позиция	Одушевленность				
	Люди	Животные	Неодушевленные		
			Не еда	Еда	
				COUNT	MASS
Подлежащее	PL/*SG	PL/*SG	PL/*SG	PL/ ^{OK} SG	PL/ ^{OK} SG
DO	PL/*SG	PL/ [?] SG	PL/*SG	PL/ ^{OK} SG	SG/ ^{OK} PL
IO	PL/*SG	PL/ ^{??} SG	PL/*SG	SG/ ^{OK} PL	SG/ ^{OK} PL
Косвенное доп.	PL/*SG	PL/ ^{??} SG	PL/ ^{OK} SG	SG/ ^{OK} PL	SG/ [?] PL

(1a) *ti ädär-βlä jalaxai-βlä*

этот девочка-PL ленивый-PL
‘Эти девочки ленивые’.

(1b) *ti ädär jalaxai*

этот девочка ленивый
‘Эта девочка ленивая’/*‘Эти девочки ленивые’.

(2) *ti möskä-βlä edem-βlä-m ak tākäləp.*

этот медведь-PL человек-PL-ACC NEG.NPST.3PL трогать

**ti möskä edem-βlä-m agät /*

этот медведь человек-PL-ACC NEG.NPST.3SG

ak tākäləp.

NEG.NPST.3PL трогать

‘Эти медведи людей не трогают’.

⁴ См. пример (1).

⁵ См. пример (2).

⁶ См. пример (3).

⁷ См. пример (4).

- (3) *möskä-blä šime lin kerd-ät.*
 медведь-PL черный становится-CONV мочь-NPST.3PL
^{OK}*möskä šime lin kerd-eš.*
 медведь черный становится-CONV мочь-NPST.3SG
 ‘Овцы бывают черными’.
- (4) *platja tkan’ gäcän äšt-ält-eš*
 платье ткань из делать-DECAUS-NPST.3SG
^{OK}*platja-blä tkan’ gäcän äšt-ält-ät*
 платье-PL ткань из делать-DECAUS-NPST.PL
 ‘Платья делаются из ткани’.

Таким образом, в горномарийском языке степень обязательности маркирования PL для различных лексем неодинакова, она определяется многими факторами; помимо положения в ИО и референциальных характеристик, также семантическим классом, синтаксической позицией. Модель взаимодействия данных факторов будет представлена в докладе.

Литература

- Кузнецова 1998 — А. И. Кузнецова. Типология категории числа в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 340–347.
- Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Шматова, Черниговская 2012 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 221–249.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Corbett 2004 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Haspelmath 2013 — M. Haspelmath. Occurrence of Nominal Plurality // M. Dryer, S. Matthew, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (<http://wals.info/chapter/34>).

А. И. Виняр, Е. А. Герасименко

НИУ ВШЭ, Москва

НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ИНКОРПОРАЦИЮ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

На материале собранных нами данных о глаголах движения в чукотском языке¹ мы сравним ограничения на малоописанные типы инкорпорации: инкорпорацию локативных аргументов глагола и глагольных вершин зависимых клауз в глагол и инкорпорацию глагольных основ в глагол и существительное. В обоих случаях синтаксически разные конструкции демонстрируют близкие ограничения на инкорпорацию, а синтаксически одинаковые конструкции могут ее не допускать, что плохо объяснимо с точки зрения моделей инкорпорации как синтаксического перемещения [Baker 1996; Muro 2009].

Аргументы с ролью Цели (1), Источника (3) демонстрируют разную способность к инкорпорации в зависимости от семантики глаголов, хотя модель управления этих глаголов совпадет [Dunn 1999].

(1)	<i>ɲinqej</i>	<i>kaʎetkora-akwat-ɣʔ-e</i>	<i>jara-jpə</i>
	мальчик.ABS.SG	школа-уходить-ТН-3SGS	дом-ABL
	‘Мальчик пошел из дома в школу’.		
(2)	<i>*ɲinqej</i>	<i>kaʎetkora-akwat-ɣʔ-e</i>	<i>jara-ɣtə</i>
	мальчик.ABS.SG	школа-уходить-ТН-3SGS	дом-ALL
	‘Мальчик пошел из школы домой’.		
(3)	<i>ɲinqej</i>	<i>jara-pker-ɣʔ-e</i>	<i>kaʎetkora-ɣtə</i>
	мальчик.ABS.SG	дом-прибывать-ТН-3SGS	школа-ALL
	‘Мальчик пришел из дома в школу’.		

¹ Все приведенные далее примеры собраны авторами в с. Амгуэма (Иультинский р-н, Чукотский АО) летом 2016 г. в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛа МГУ.

- (7) *tə-ra-raswəŋ-sqek-wʔa*
 1SG.S/A-FUT-бежать.в.гонке-PEREG-TH
- (7') *tə-re-ɬqət-yʔe* *amra-raswən-ŋa*
 1SG.S/A-FUT-отправляться-TH PURP-бежать.в.гонке-PURP
 'Я отправлюсь на гонки'.

Еще одним примером несинтаксических ограничений является инкорпорация основ глаголов образа движения в глаголы перемещения (8) и в имена (9). Аналитическим аналогом инкорпоративных комплексов служат отглагольные адвербиалы (5') и отглагольные модификаторы имени (9').

- (8) *t-kətyəntə-reo-ɬqət-yʔa*
 1SGS/A-бежать-дежурить.ночью-отправляться-TH
 'Я побегал на дежурство'.
- (9) *∅-ejŋew-ni-n* *kətyəntə-ŋenqaj*
 3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O бежать-мальчик.ABS.SG
- (9') *∅-ejŋew-ni-n* *kətyəntə-ɬʔə-n*
 3.S/A-звать-3SGS.A.3.O-3SG.O бежать-ATR-ABS.SG
ŋinqeŋ
 мальчик.ABS.SG
 'Он позвал бегающего мальчика'.

Несмотря на параллелизм конструкций (9') и (10), инкорпорация основы глагола перемещения в имя, как правило, невозможна, как и глагольно-глагольные комплексы с инкорпорированной основой глагола перемещения (11).

- (10) *∅-ejŋew-ni-n* *jetə-ɬʔə-n*
 3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O приходит-ATR-ABS.SG
ŋinqeŋ
 мальчик.ABS.SG
- (10') **∅-ejŋew-ni-n* *jet-ŋinqeŋ*
 3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O приходит-мальчик.ABS.SG
 'Он позвал пришедшего мальчика'.

- (11) **yatya-t* Ø-*ekwet-riŋe-yʔe-t*
птица-ABS.PL 3.S/A-уходить-взлетать-ТН-PL
'Птицы улетели'.

Таким образом, разные типы синтаксических сочетаний зависимого и вершины обнаруживают общие черты несинтаксических ограничений на возможность инкорпорации зависимого, а в синтаксически одинаковых конструкциях не всегда возможна инкорпорация, что необходимо принимать во внимание при определении места инкорпорации в формальных моделях языка.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; А — А-участник переходного глагола; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ADV — адвербиализатор глагольных основ; ALL — аллатив; ATR — атрибутивизатор; FUT — будущее время; O — объект переходного глагола; PEREG — перегринатив; PL — множественное число; PURP — конверб причины; S — аргумент непереходного глагола; SG — единственное число; ТН — тематический показатель.

Литература

- Baker 1996 — M. C. Baker. *The Polysynthesis Parameter*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
Dunn 1999 — M. J. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD Thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
Muro 2009 — A. Muro. *Noun Incorporation: A New Theoretical Perspective*. PhD Thesis. Università degli Studi di Padova, 2009.
Spencer 1995 — A. Spencer. *Incorporation in Chukchi // Language* 71 (3), 1995. P. 439–489.

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко

НИУ ВШЭ, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАЦИИ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В чукотском языке встречается большое количество глагольных дериваций, относящихся к различным семантическим зонам; при этом многие из этих показателей параллельно со своим основным значением выражают какие-либо значения из зоны глагольной множественности. В докладе будут рассмотрены три подобные деривации: метеорологический инхоатив *-rʔu*, антипассив/итератив *-tku* и дуратив *-ʔet* (в терминах [Dunn 1999]).

В литературе по чукотскому языку суффикс *-rʔu* трактуется либо как суффикс, выражающий семантику инхоатива с понижением контролируемости ([Мальцева 2013]; о типологически схожих показателях см., например, [Козлов и др. 2016]), либо как два омонимичных суффикса: лексически специфицированный инхоатив и показатель коллективности субъекта [Dunn 1999: 259, 264]. Мы, вслед за А. А. Мальцевой, считаем, что речь идет об одном показателе, однако представляется, что инвариантом его значения является инхоатив, совмещенный с множественностью участников (1) или же внутрисобытийной множественностью ситуации (2). При этом данный показатель может присоединяться к предикатам с единственным участником, которые не предполагают квантованность — тогда он выражает значения интенсивности, резкости, неожиданности, неконтролируемости ситуации и т. п. (3). Мы предполагаем, что данные значения возникают в ходе закрепления имплицатур. Подробная схема этого процесса будет представлена в докладе.

(1) *tuur mren-rʔu-yʔ-i¹ jara-sako²*
 вдруг комар-INCH-TH-2/3SG.S дом-INNESS
 ‘Вдруг много комаров стало в яранге’.

(2) *tə-tayjensa-rʔo-yʔa-k*
 1SG.S/A-кашлянуть-INCH-TH-1SG.S
 ‘Я закашлялся’.

(3) *tə-tipʔejje-rʔu-yʔe-k*
 1SG.S/A-петь-INCH-TH-1SG.S
 ‘Я резко начал петь, интенсивно и со страстью’.

Суффикс *-tku* также обычно трактуется как два омонимичных суффикса, антипассив и итератив, мы же считаем, что это один суффикс с комплексным значением: с одной стороны, он выражает множественность ситуации, с другой — понижение ранга Р-участника, вплоть до невозможности его выражения (см. (4), где не может быть выражен объект).

(4) *miʔyerə-tku-yʔ-i*
 выстрелить-ITER-TH-2/3SG.S
 ‘Он пострелял из ружья’.

Суффикс *-ʔet*, который трактуется в [Dunn 1999: 260] как дуратив, на самом деле не меняет аспектуальную и акциональную трактовку модифицируемого предиката, а добавляет в его семантику компонент интенсивности, чрезмерной длительности ситуации, множественности участников, неожиданности (5).

(5) *iʔetə-ʔet-yʔ-i weem əmat-yʔ-i*
 ийти.о.дожде-DUR-TH-2/3SG.S река.NOM вздуться-TH-2/3SG.S
 ‘Прошло много дождей, река вздулась’.

¹ Рассматриваемые в докладе показатели могут модифицировать как глагольные, так и именные основы; о проблеме выделения частей речи в чукотском языке см. [Касьянова, рук.]

² Приведенные в докладе примеры собраны авторами в с. Амгуэма (Иультинский р-н, Чукотский АО) летом 2016 г. в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛа МГУ.

К семантической зоне повышенной интенсивности ситуации в чукотском языке, помимо перечисленных выше показателей, относятся также многочисленные аффиксальные интенсификаторы [Dunn 1999: 265–266]; в докладе будет представлен анализ их семантики в сравнении с вышеозначенными деривациями.

Мы считаем, что глагольная множественность в чукотском языке не является однородной категорией с некоторым набором граммем; значения множественности скорее сопутствуют значениям показателей, относящихся к другим категориям. Представляется, что в чукотском значительную роль играет процесс закрепления импликатур, естественным образом возникающих у определенных значений (см. рассуждение о подобных процессах, например, в [Татевосов 2016]). Таким образом, конкретное значение каждой деривации размывается и становится все более абстрактным, и показатели постепенно смещаются в сторону интенсификаторов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; А — агенс при переходном глаголе; DUR — дуратив; INCH — инхоатив; INESS — инэссив; ITER — итератив; NOM — номинатив; S — аргумент непереходного глагола; SG — единственное число; TH — тематический показатель.

Литература

- Касьянова — П. А. Касьянова. Неглагольная предикация в амгуэмском говоре чукотского языка. Рукопись
- Козлов и др. 2016 — А. А. Козлов, Н. А. Муравьев, С. О. Никифорова. Семантика и морфосинтаксис одной мокшанской аспектуальной деривации // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII*, 1, 2016. С. 534–548.
- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология»*. Т. 12. Ч. 2, 2013. С. 142–153.
- Татевосов 2016 — С. Г. Татевосов. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акциональные классы и типы спряжения // *Вопросы языкознания* 3, 2016. С. 81–114.
- Dunn 1999. M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD Thesis. Canberra: Australian National University, 1999.

М. К. Воронов, Д. Д. Мордашова

НИУ ВШЭ, МГУ, Москва

ГОРНОМАРИЙСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ В ЗОНЕ «СВЕРХПРОШЛОГО» И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ¹

Объектом нашего исследования являются глагольные кли-тики $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$, представляющие собой застывшую форму глагола $\hat{a}la\check{s}$ 'быть', в аналитических глагольных конструкциях в горномарийском языке. Материалом для исследования послужили дан-ные, собранные в ходе экспедиций в Горномарийский р-н Респ. Марий Эл в 2016 г.

Рассматриваемые клитики сочетаются с глаголами в форме Непрошедшего времени и Перфекта (дефолтного прошедшего вре-мени в горномарийском языке). Традиционно эти сочетания счи-таются разными глагольными временами: подобным образом они описаны в грамматиках [Пенгитов (ред.) 1961: 190–197; Alho-niemi 1993: 106–107, 115–116; Саваткова 2002: 204–208]. Мы не будем пользоваться такой классификацией, так как полученные конструкции имеют более широкий спектр значений. Так, сочетание $\hat{a}l'\hat{a}/\hat{a}l\hat{a}n$ с формой Непрошедшего времени маркирует хабитуалис в прошедшем (1); первая из клитик в сочетании с Непрошедшим временем может иметь еще и дуративную интерпретацию (2):

- (1) *Pet'a izi-žə* *godām* *každāj*
Петя маленький-POSS.3SG во.время каждый
kečə-n lem-əm kačk-eš
день-GEN суп-ACC есть-NPST.3SG
āl'ā / ālān.
RETR RETR
'В детстве Петя каждый день ел суп на обед'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

- (2) *Kānam mǎn'ǝ pâr-ǎš-ǎm Vas'a knigǎ-m*
 когда я прийти-AOR-1SG Вася книга-ACC
lǎd-eš ǎl'ǎ / 'ǎlǎn.
 читать-NPST.3SG RETR RETR
 'Когда я пришел, Вася читал книгу'.

Комбинация *ǎl'ǎ/ǎlǎn* с перфектом имеет семантику аннулированного результата (3) (или антирезультативную, см. [Плунгян 2001]), может обозначать прекращенное прошлое (4) или действие, совершенное до времени асерции (5):

- (3) *Van'a šǎrgǎ-štǎ jam-ǎn ǎl'ǎ / ǎlǎn,*
 Ваня лес-IN потеряться-P\$F.3SG RETR RETR
vara tǎdǎ-m mo-n-ǎt.
 потом он-ACC найти-PF-3PL
 'Ваня потерялся было в лесу, но потом его нашли'.

- (4) *Mǎ šǎnz-en-nǎ ǎl'ǎ / ǎlǎn okn'a anzǎlnǎ dǎ*
 мы сидеть-PF-1PL RETR RETR окно перед и
anz-en-nǎ lǎm-ǎm.
 смотреть-PF-1PL снег-ACC
 'Мы бывало сидели у окна и смотрели на снег'.

- (5) *Kānam mǎn' tol-ǎn-am vǎtǎ-m*
 когда я прийти-PF-1SG жена-POSS.1SG
uže šǎšer-ǎm nǎl-en
 уже молоко-ACC купить-PF.3SG
ǎl'ǎ / 'ǎlǎn.
 RETR RETR
 'Когда я пришел, оказалось, что жена уже купила молока'.

Приведенные данные позволяют предположить, что *ǎl'ǎ/ǎlǎn* в горномарийском языке выступают в качестве показателя «ретроспективного сдвига» (см. [Плунгян 2001; Сичинава 2013: 19–21]).

Однако этим спектр значений рассматриваемых конструкций не ограничивается. В (6)–(7) сочетания глаголов с *ǎl'ǎ/ǎlǎn* дают интересный семантический эффект: ситуация представляется как удивительная для говорящего, т. е. мы имеем дело с миративными (см. [DeLancey 1997]) употреблениями:

- (6) *Pet'a kăzät zabor-âm čïält-ä ä'l'ä / äläñ.*
 Петя сейчас забор-ACC красить-NPST.3SG RETR RETR
 *‘Петя сейчас красит забор’.
 ‘Оказывается, Петя сейчас забор красит!’
- (7) *Män' tengečä omän-ästä kašt-än-am ä'l'ä / äläñ.*
 я вчера сон-IN ходить-PF-1SG RETR RETR
 ‘Я вчера, оказывается, ходил во сне’.

В типологической литературе ([Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013]) возможности миративных употреблений у показателей «ретроспективного сдвига» не фиксируется.

Теоретически миративность может быть как итогом семантического развития показателя ретроспективного сдвига и представлять, таким образом, типологически интересный случай, так и внешним эффектом, обусловленным иными факторами (например, прагматикой). Мы представим подробный анализ семантики клитик *ä'l'ä / äläñ* и рассмотрим наши данные в свете теорий, описывающих семантическое развитие таких грамматических явлений, как плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; GEN — генитив; IN — инэссив; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; PF — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Пенгитов (ред.) 1961 — Н. Т. Пенгитов (ред.). Современный марийский язык. Ч. 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*, T. V. С. 103–104.

- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // *Linguistic Typology* 1.1, 1997. P. 33–52.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59(4), 2006. P. 317–349.

О. А. Воронцова

РГГУ, Москва

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКАХ МАНДЕ

Объектом изучения стали притяжательные именные группы в семи юго-западных языках манде: менде, локо, банди, зиало, гвинейском лоома, гвинейском кпелле и либерийском кпелле.

Настоящее исследование развивает концепцию внутригенетической типологии как части внегенетической типологии, которая была предложена в работах А. Е. Кибрика [Кибрик 2003], А. Б. Шлуинского [Шлуинский 2014] и М. Б. Коношенко [Коношенко 2014]. Данная работа продолжает изучение посессивных групп в юго-западных языках манде, начатое Д. Двайером в [Dwyer 1973], но содержит более новые данные и специально разделяет именные группы по типу посессора — лексического (посессором является существительное) или анафорического (посессором является посессивное местоимение).

Целью исследования было составление микротипологии притяжательных именных групп семи юго-западных языков манде. Работа строилась на материале уже существующих грамматических описаний. Языки сравнивались по трем дополнительным параметрам, влияющим на структуру посессивных именных групп: по типам тональных правил, применимых к посессивным конструкциям в зависимости от принадлежности существительного-вершины; по типам маркирования посессивности и по типам посессивных местоимений, использующихся при построении конструкций с анафорическим посессором.

Во всех языках манде имеется противопоставление существительных по структурно-семантической категории принадлежности — отчуждаемой и неотчуждаемой. Различие между ними проявляется в структуре посессивных именных групп: конструкции противопоставляются по значению принадлежности су-

существительного-вершины. Однако в юго-западных языках манде противопоставляются три вида конструкций в зависимости от класса существительного-вершины. Эти три конструкции характеризуются двумя бинарными признаками, каждый из которых по-разному группирует конкретные конструкции. Первый класс представлен отчуждаемыми существительными. Неотчуждаемые существительные делятся на два класса: существительные класса частей тела и существительные класса терминов родства.

Деление на классы не настолько очевидно, как можно было бы предположить, так как вышеуказанные классы включают в себя семантически смежные имена и названия. К примеру, в гвинейском кпелле слова ‘тезка’, ‘хозяин’, ‘друг’ и ‘враг’ будут входить в класс «термины родства», а существительные ‘имя’, ‘подарок’, ‘запах’, ‘труп’, ‘могила’ и ‘амулет’ — в класс «части тела» [Коношенко 2015: 13].

Во всех рассмотренных языках используются две серии possessивных местоимений в зависимости от значения принадлежности обладаемого существительного; в большинстве случаев первая серия используется в конструкциях с отчуждаемыми существительными, а вторая — в конструкциях с неотчуждаемыми существительными.

Литература

- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Родственные языки как объект типологии // А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Коношенко 2014 — М. Б. Коношенко. Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.
- Коношенко 2015 — М. Б. Коношенко. Кпелле язык // Языки мира, 2015. В печати.
- Шлуинский 2014 — А. Б. Шлуинский. Внутригенетическая типология: методологические замечания // В. А. Плуинян и др. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 127–139.
- Dwyer 1973 — D. J. Dwyer. The Comparative Typology of Southwestern Mande Nominal // PhD Thesis, Michigan State University, 1973.

А. Р. Гарейшина

Москва

КОРРЕЛЯТИВЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ — ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЛИ ТОПИК?¹

1. Введение

1.1. Предмет исследования

Коррелятивы — это широко представленный типологически (подробнее см. [Bhatt 2003: 491; Izvorski 1996] и др.) класс полипредикативных конструкций, в которых зависимая клауза предшествует главной с обязательным наличием хотя бы одной пары коиндексированных соотносительных местоимений: относительного для зависимой предикации и указательного для главной. Коррелятивы считаются неканонической стратегией релятивизации [Nikolaeva 2005: 502].

Предметом данного исследования являются простые коррелятивы — с лишь одной парой местоимений — в горномарийском языке (< финно-волжская группа < финно-угорская ветвь < уральская семья).

1.2. Цели исследования

- Каковы общие структурные особенности коррелятивов в горномарийском языке?
- Какие типы коррелятивов представлены в языке?
- Являются коррелятивы по своим синтаксическим свойствам релятивизацией или «зависшим» топиком (hanging topic)?

2. Коррелятивы в горномарийском языке

2.1. Общая характеристика

Так как коррелятивы для горномарийского до этого не рассматривались подробно, первоочередной задачей было установить

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №16-06-00536а.

возможные типы коррелятивов в языке. Мы руководствовались списком соотносительных пар из работы [Mitrenina 2010: 136–137]; приводим его здесь уже в модифицированном виде для демонстрации инвентаря горномарийских коррелятивов:

Таблица 1. Инвентарь горномарийских коррелятивов

Относительная составляющая	Определяемая составляющая
<i>kü</i> ‘кто’	<i>tädä</i> ‘тот, он’
<i>ta</i> ‘что’	<i>tädä</i> ‘тот, он’
<i>mahan</i> ‘какой’	<i>tehen</i> ‘такой’
<i>kün</i> ‘чей’	<i>tädän</i> ‘того’
<i>käštä</i> ‘где’	<i>täštä</i> ‘там’
<i>käškä</i> ‘куда’	<i>täškä</i> ‘туда’
<i>käšec(än)</i> ‘откуда’	<i>täšec(än)</i> ‘оттуда’
<i>käškeve(k)</i> ‘докуда’	<i>täškeve(k)</i> ‘дотуда’
<i>känam</i> ‘когда’	<i>tänäm</i> ‘тогда’
<i>käcä</i> ‘как’	<i>tenge</i> ‘так’
<i>man’ar(ä)</i> ‘сколько’	<i>tänär(ä)</i> ‘столько’
<i>man’areš</i> ‘насколько’	<i>tänäreš</i> ‘настолько’
— ‘чем’	— ‘тем’
<i>mahan</i> ‘каков’	<i>tehen</i> ‘таков’

По своим общим свойствам коррелятивы действительно содержат пары местоимений (однако в силу омонимии указательного и личного местоимения *tädä* оно может отсутствовать), зависимая клауза предшествует главной, были засвидетельствованы типологически редкие коррелятивы вида «какой — такой», где *mahan* ‘какой’ заменено *kädä* ‘который’. Заметим, что несмотря на преобладание стратегии wh-in-situ, оба члена пары местоимений отчетливо тяготеют к левой периферии в «своих» клаузах, всегда повторяя линейное расположение друг друга.

Отметим также, что тип «насколько — настолько» редок, тип «чем — тем» отсутствует (возможно, это вызвано принципиальным отсутствием аналитического компаратива в горномарийском языке); наконец, тип «каков — таков» единственный из всех коррелятивов предполагает расположение местоимений строго на концах клауз, в соответствии с базовым порядком SOV.

2.2. Относительная клауза vs. топик

Исходный вопрос можно переформулировать: являются ли зависимая клауза и указательная группа главной клаузы составляющими? Тогда в случае положительного ответа мы бы ожидали релятивизацию, в случае отрицательного — топик. В этой связи мы использовали следующие тесты: (1) вопросно-ответный тест; (2) тест на сочинение составляющих; (3) эффекты реконструкции.

Также было сделано несколько наблюдений: во-первых, оба класса конструкций используют коррелятивные проформы (*tädä* и др. для коррелятивов, *tänäm* для условных клауз); во-вторых, при образовании вопроса вопросительное слово всегда находится сразу после коррелятивной проформы как в коррелятивах, так и в условных предложениях.

Итак, можно сделать вывод о схожести коррелятивов и условных придаточных предложений.

3. Выводы

Рассматривая структурные особенности коррелятивов в горномарийском языке, мы смогли установить основной репертуар данных конструкций, а также сделать наблюдения, позволяющие построить убедительный синтаксический анализ для ряда полипредикативных конструкций в языке, что вносит вклад в типологический обзор коррелятивов в уральских языках.

Литература

- Bhatt 2003 — R. Bhatt. Locality in Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 21(3), 2003. P. 485–541.
- Izvorski 1996 — R. Izvorski. The Syntax and Semantics of Correlative Proforms // K. Kusumoto (ed.). *Proceedings of NELS 26*. Amherst, MA: GLSA, University of Massachusetts, 1996. P. 133–147.
- Mitrenina 2010 — O. Mitrenina. Correlatives: Evidence from Russian // G. Zibatow et al. (eds.). *Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of FDSL 7.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House, 2010. P. 135–151.
- Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Relative Clauses // K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 501–508.

Ф. В. Голосов, А. А. Козлов

НИУ ВШЭ, МГУ — ИЯз РАН, Москва

ГОРНОМАРИЙСКИЕ ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА¹

В горномарийском языке есть две синтетические видо-временные формы с референцией к плану прошедшего. В отечественной черемистике они называются «прошедшее первое» и «прошедшее второе» [Пенгитов 1955] или «прошедшее очевидное» и «прошедшее неочевидное» [Саваткова 2002]. В этом докладе мы будем называть их, со значительной степенью условности, соответственно Аорист и Перфект. Обычно считается, что противопоставление между этими временами лежит в семантической зоне эвиденциальности: Аорист соответствует значению прямой, а Перфект — непрямой засвидетельствованности [Там же].

Однако в исследованном нами идиоме² обе формы свободно употребляются в контекстах как прямой, так и косвенной засвидетельствованности:

- (1) *iktät uŷ-ə, što vas'a toko = vele*
никто видеть-PRF.3SG что В. только.что=только
ke-n okkolt-ən / okkolt-əš
идти-CVB пускать-PRF.3SG пускать-AOR.3SG
'Никто не видел, как Вася ушел'.

Цель нашего доклада — показать, что по крайней мере в некоторых разновидностях горномарийского семантическая разница между этими двумя прошедшими временами состоит совсем

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Экспедиция в Горномарийский р-н Респ. Марий Эл была поддержана грантом РГНФ № 17-04-18036 «Экспедиция по сбору данных алтайских и уральских языков».

² Данные собраны в ходе двух совместных экспедиций МГУ и НИУ ВШЭ в с. Микряково Горномарийского р-на Респ. Марий Эл летом 2016 г.

в другом — в положении Наблюдателя [Падучева 2010] или *perspective point* [Kamp, Reyle 1993].

Вслед за Е. В. Падучевой [2010] мы будем различать два режима интерпретации дискурса: диалогический и нарративный. В **диалогическом** (то есть «дефолтном» в ситуации элицитации) режиме интерпретации Аорист обозначает события недавнего прошлого, не сочетаясь с обстоятельствами типа «год назад» или «давным-давно» (2)–(3), а Перфект нечувствителен к временной дистанции (4)–(5):

- (2) *tänäm pervi=ok *äl-äš /^{OK}äl-än*
 тогда давно=EMPH жить-AOR.3SG жить-PRF.3SG
iljä muromec
 И. М.
 ‘Давным-давно жил Илья Муромец’.

- (3) *an'a šukerdä agäl=vele stakan-eš*
 Аня давно NEG=только стакан-LAT
čäj-äm opt-äš / opt-än
 чай-ACC лить-AOR.3SG лить-PRF.3SG
tädä eče šokšok
 тот еще горячий
 ‘Аня только что налила чай в стакан, он еще теплый’.

Однако в **нарративном** режиме интерпретации Аорист может осуществлять референцию к сменяющим друг друга событиям какой угодно давности — ср. смоделированный отрезок дискурса в (4), повествующий о деде и прабабке рассказчика:

- (4) *ikänä barin keles-en što t'ot'a-m*
 однажды барин сказать-PRF.3SG что дедушка-POSS.1SG
saltakä-šš ke-šäšlāk män'-än kogo papa
 солдат-ILL идти-PTCP.FUT я-GEN большой бабка
tol-än / tol'-ə tädä-n dokä da
 идти-PRF.3SG идти-AOR.3SG тот-GEN к и
keles-en / keles-äš što värä-šä-žž
 сказать-PRF.3SG сказать-AOR.3SG что место-ILL-POSS.3SG

mān' *ške = ok saltak-āš ke-em*
я сам=EMPH солдат-ILL идти-NPST.3SG

barin kogon ör-ān / ör'-ä
барин очень удивиться-PRF.3SG удивиться-AOR.3SG

‘{Мой дед с детства хромал на одну ногу.} Однажды барин сказал, что он должен пойти в солдаты. Моя прабабка пошла к нему и сказала, что она вместо него сама в солдаты пойдет. Барин очень удивился’.

Как видно из (4), в начальной клаузе нарратива необходима форма Перфекта, а в последующих возможен Аорист.

Итак, Перфект — это дефолтное прошедшее время, а Аорист накладывает на структуру дискурса дополнительное условие: точка отсчета (или Наблюдатель) должна быть синхронна времени ситуации. Если точка отсчета совпадает с моментом речи (как это происходит при диалогическом режиме интерпретации), то форма обозначает событие, произошедшее «только что», «сейчас». Если режим интерпретации дискурса нарративный, то Аорист описывает события, синхронные времени дискурса.

Не случайно в экспериентивных, или общефактических, контекстах, где точка отсчета может быть только ретроспективной [Падучева 2010], Аорист невозможен:

- (5) *tān' ikta-gānam gān'ūt preferans-la*
ты когда-INDEF если преферанс-CMP
*mad-ān-āt / *mad-āc?*
играть-PRF-2SG играть-AOR.2SG
‘Ты когда-нибудь в преферанс играл?’

Литература

- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010.
Пенгитов 1955 — Н. Т. Пенгитов. Некоторые проблемы марийского языкознания. Марийский НИИ языка, лит-ры и истории, 1955.
С Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*, T. V. С. 103–104.

Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.

Kamp, Reyle 1993 — H. Kamp, U. Reyle. From Discourse to Logic. Dordrecht — London — Boston: Kluwer Academic Publisher, 1993.

Т. И. Давидюк, Л. С. Козлов

МГУ, Москва

ЛАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В горномарийском языке выделяют 3 локативных падежа: ин-эссив, иллатив и латив (в традиционной терминологии — обстоятельственный падеж) — см. [Саваткова 2002]. Наибольшую проблему с точки зрения грамматической семантики представляет латив, многие аспекты употребления которого до сих пор остаются не проясненными. Аналогичная ситуация имеет место в луговом марийском (см. [Бирюк, Рожанский 2002]). Нами были поставлены следующие задачи:

- максимально подробно описать семантику и функционирование данного падежа в горномарийском языке;
- сравнить результаты с данными лугового марийского языка, изложенными в [Бирюк, Рожанский 2002];
- предложить модель диахронического развития значений у латива;
- сопоставить ситуацию в горномарийском языке с данными типологических исследований пространственных падежей.

Исследование проводилось на материале, полученном в ходе экспедиции в с. Кузнецово и с. Микряково (Горномарийский р-н) летом 2016 г.

Латив имеет пространственное значение, а также несколько непространственных. Название «латив» является историческим; в современном языке латив почти утратил функцию Конечной точки. В пространственном значении латив:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Экспедиция в Горномарийский р-н Респ. Марий Эл была поддержана грантом РГНФ № 16-04-18037е «Экспедиция по сбору данных Алтайских и уральских языков».

Предложение (1) обозначает Местонахождение и, реже, Конечную точку и, таким образом, может заменяться на инессив или на иллатив соответственно:

(1) *püergä krovat-eš / krovat-âštâ kol-en*
 мужчина кровать-LAT кровать-IN умирать-PRT.3SG
 ‘Мужчина умер в кровати’.

(2) *män’ stenä-eš / stenä-škä kartin-äm*
 я стена-LAT стена-ILL картина-ACC
säk-em
 вешать-NPST.1SG
 ‘Я вешаю картину на стену’.

Предложение (2) имеет ограничения на сочетаемость с глаголами, равно как и некоторые семантические ограничения.

В результате исследования было выявлено следующее отличие латива от инессива, не замеченное в предыдущих исследованиях: во всех случаях латив обозначает Местонахождение S/P-участника, в отличие от инессива, который может также относиться и к А-участнику (напр., *читаю газету в кресле*), и ко всей ситуации в целом (*жарю мясо на кухне*). Эта закономерность будет проиллюстрирована на разнообразных примерах.

Однако и при локализации S/P-участника латив возможен не всегда. Предполагая, что ключом к описанию семантики и функционирования латива является понимание сочетаемости с глаголами, а причиной ограничений — особые компоненты семантики глагола, мы провели анализ порядка 100 глаголов с локативными аргументами, относящихся к основным семантическим классам (глаголы движения, местонахождения, состояния, изменения и т. д.).

Нами были выделены следующие группы глаголов, присоединяющих зависимое в лативе:

- глаголы перехода в новое состояние (‘заснуть в кровати’, ‘родиться в селе’);
- глаголы процесса развития, преобразования (‘расти на горе’, ‘жечь в печи’);
- глаголы, присоединяющие аргумент со значением Места-Эффектора (‘замачивать в воде’, ‘развеваться на ветру’);

• глаголы, присоединяющие аргумент со значением Места/Конечной точки и подразумевающие продолжительное нахождение объекта в данной точке по завершении действия (‘вешать на стену’, ‘спрятаться в сундуке’, ‘записать в блокноте’, ‘прилипнуть к сапогу’).

Также у латива были выявлены непространственные значения: Временная локализация, Срок, Причина, Точка приложения, Результат и др. Некоторые из них (например, Результат (3)), по-видимому, связаны с исконным лативным значением падежа. Другие (например, Причина (4)), возможно, происходят от современного пространственного значения (ср. упомянутые выше аргументы со значением Места-Эффектора). Примечательно, что лативом маркируется лишь непосредственная причина; опосредованная причина маркируется по-другому (5).

(3) *män' paj-äm laštāk-vlā-eš ro-en*
я мясо-ACC кусок-PL-LAT рубить-CONV
šänd-äš-äm
ставить-NARR-1SG
‘Я разрубил мясо на куски’.

(4) *jur-eš kornâ-m l'üzärt-en šänd-en*
дождь-LAT дорога-ACC мочить-CONV ставить-PRT.3SG
‘Из-за дождя (= дождем) размыло дорогу’.

(5) *jur gišän / *jur-eš mä pojezd-äš vara-š*
дождь из-за дождь-LAT мы поезд-ILL потом-ATTR
kod-en-nä
оставлять-PRT-3PL
‘Из-за дождя мы опоздали на поезд’.

Полисемия, которую демонстрирует латив, представляется весьма нетривиальной типологически. Так, в [Kittilä, Ylikoski 2011] не содержится информации о подобных значениях направительных падежей в финно-угорских языках; а недавнее исследование [Luraghi 2014] не содержит сведений о случаях развития причинной семантики у падежа с исходно направительной семантикой. Таким

образом, марийский латив может послужить толчком для новых исследований в области типологии пространственных значений.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; CONV — конверб; ILL — иллатив; IN — инессив; LAT — латив; NARR — 1-е прошедшее время; NPST — не прошедшее время; PL — множественное число; PRT — 2-е прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Бирюк, Рожанский 2002 — О. Л. Бирюк, Ф. И. Рожанский. Третий лишний (обстоятельный падеж в марийском языке) // В. А. Плуноян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 107–126.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*, T. V. С. 103–104.
- Kittilä, Ylikoski 2011 — S. Kittilä, J. Ylikoski. Remarks on the coding of Goal, Recipient and Vicinal Goal in European Uralic // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles [Typological Studies in Language 99]*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 29–64.
- Luraghi 2014 — S. Luraghi. Plotting diachronic semantic maps: the role of metaphors // S. Luraghi, H. Narrog (eds.) *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 101–152.

Е. В. Деликанова

МГУ, Москва

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Данная работа посвящена некоторым способам выражения модальности вероятности и модальности необходимости в баргузинском диалекте бурятского языка.

Как и в других монгольских языках, вероятностная модальность в бурятском выражается с помощью частиц, присоединяющихся к глагольной словоформе. В грамматических описаниях и словарях бурятского языка [Санжеев (ред.) 1962; Черемисов 1973; Janhunen 2003; Порре 1960] выделяется порядка десяти частиц с такой семантикой, однако в баргузинском диалекте их осталось только две: *бшуу* (1) и *ха* (*хаш*) (2), — причем первая из них в вышеперечисленных работах рассматривается только как конфирмативная, что неверно для баргузинского диалекта.

- (1) *Түмэн машиназаһ-аа ха (= хаш)*

Түмэн машина чинить-PRТ1 PRCL

{Машина Түмэна накануне сломалась. Бадма слышал, как Түмэн копался в машине и машина урчала. Наутро у Бадмы спрашивают, починил ли Түмэн машину}. ‘Түмэн, наверное, починил машину’.

- (2) *Ринчин шалгалтаа тушаг-аа бшуу*

Ринчин экзамен сдавать-PRТ1 PRCL

{Алдар знает, что Ринчин готовился к экзамену, и видел, как он на него уходил}. ‘Ринчин, вероятно, сдал экзамен’.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства».

Различия между этими двумя частицами проявляются в их сфере действия под отрицанием. Как показано, например, в [Portner 2009], модальный оператор вероятности может находиться как под отрицанием, так над ним:

a. $\neg\Diamond$: Невероятно, что...

b. $\Diamond\neg$: Вероятно, не...

Предложения с частицей *бшуу* могут иметь под отрицанием оба прочтения:

(3) *Ринчин шалгалтаа тушаг-аа-гүй бшуу*

Ринчин экзамен сдавать-PRT1-NEG PTCL

a) 'Невероятно, чтобы Ринчин сдал экзамен'.

б) 'Ринчин, вероятно, не сдал экзамен'.

Частица *ха* (*хаш*), однако, для большинства носителей может иметь под отрицанием только широкую сферу действия:

(4) *Түмэн машина заһ-аа-гүй ха (= хаш)*

Түмэн машина чинить-PRT1-NEG PTCL

a) *'Невероятно, чтобы Түмэн починил машину'.

б) 'Түмэн, вероятно, не починил машину'.

Другое различие между ними заключается в том, что частица *ха* (*хаш*) употребляется только в качестве модальной, а частица *бшуу* может встречаться в других контекстах (например, образуя вопрос, требующий в качестве ответа подтверждение высказанного в нем предположения, что, по-видимому, связано с тем, что диахронически ее можно разложить на вопросительную и конформативную частицы).

Модальность необходимости может выражаться в бурятском языке с помощью наречия *заабол*.

(5) *Үхибүү-д библиотека соо гэр-эй даабари*

ребенок-PL библиотека в дом-CNT задание

заабол хэ-нэ

обязательно делать-PRS

'Дети обязательно делают домашнее задание в библиотеке'.

Интересно, что для части носителей в предложениях с отрицанием модальный оператор может иметь только широкую

сферу действия, а для другой части — только узкую, однако нет ни одного носителя, для которого пример (6) имел бы два прочтения:

- (6) *Үхибүү-д библиотека соо гэр-эй даабари*
ребенок-PL библиотека в дом-CNT задание
заабол хэ-нэ-гүй
обязательно делать-PRS-NEG
а) ?‘Дети необязательно делают домашнее задание в библиотеке’.
б) ?‘Дети обязательно не делают домашнее задание в библиотеке (им запрещено)’.

Это наречие может сочетаться с частицами, выражающими вероятностную модальность. В этом случае оператор возможности обязательно находится выше оператора необходимости:

- (7) *Үхибүү-д библиотека соо гэр-эй даабари*
ребенок-PL библиотека в дом-CNT задание
заабол хэ-нэ бшуу / ха (= хаш)
обязательно делать-PRS PTCL PTCL
а) ‘Вероятно, детям обязательно делать домашнее задание в библиотеке’.
б) *‘У детей обязательно должна быть возможность делать домашнее задание в библиотеке’.

В докладе также планируется рассмотреть взаимодействия вероятностных частиц и наречия необходимости с другими типами частиц, а также то, какие типы модальности (эпистемическую, деонтическую и т. д.) они могут выражать.

Список условных сокращений

CNT — коннектив; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT1 — 1-е прошедшее время; PTCL — частица.

Литература

Санжеев (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1962.

- Черемисов 2003 — К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь: 44 000 слов. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Janhunen (ed.) 2003 — J. Janhunen (ed.). The Mongolic Languages. Routledge, 2006.
- Poppe 1960 — N. N. Poppe. Buriat Grammar. Vol. 2. Bloomington: Indiana University, 1960.
- Portner 2009 — P. Portner. Modality, Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2009.

В. В. Дьячков

ИЯз РАН, Москва

**ШКАЛЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И АСПЕКТУАЛЬНЫЕ
СВОЙСТВА ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ:
в поисках принципов взаимосвязи¹**

Работа посвящена вопросу связи семантики прилагательных и аспектуальных свойств глаголов, образованных от этих прилагательных. В лингвистической литературе давно было замечено качественное различие между отадъективными глаголами, которые в английском языке могут проявлять вариативность в аспектуальных свойствах. Эта вариативность иллюстрируется различной сочетаемостью деадъективных глаголов с наречными выражениями *in 15 minutes* и *for 15 minutes*, первое из которых диагностирует достижения, а второе — свершения:

- (1) *The room emptied in/ *for 15 minutes.*
- (2) *The rope lengthened *in/for an hour.*

Предполагается, что аспектуальная интерпретация напрямую связана с понятием шкалы прилагательного. В случае прилагательного т. н. закрытой шкалы, обозначающего неградуальный признак (*пустой, зеленый*), образованный от него глагол проявляет типичные свойства класса достижений. В случае прилагательного открытой шкалы (*длинный, широкий*) деадъективный глагол относится к классу свершений, что и иллюстрируют примеры выше (см. дискуссию в [Hau et al. 1999; Harley 2005; Kearns 2007] и др.).

На материале языков, отличных от английского, эта гипотеза, однако, подтверждается лишь частично. С учетом данных китайского языка (путунхуа) в работе [Lin 2004] было сделано предполо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а и гранта ФФЛИ А-05 (2013/2014).

жение, что все деадъективные глаголы являются достижениями, а их интерпретация как свершений зависит от дополнительных языковых параметров. В путунхуа некоторые прилагательные, обозначающие градуальный признак, не могут присоединять никаких временных адвербиалов, кроме лексемы со значением ‘внезапно’:

(3) ^{??}*tā zài yī nián nài gāo le*
 3SG в один год в высокий PFV
 ‘Он вырос за год’.

(4) **tā gāo le yī nián*
 3SG высокий PFV один год
 ‘Он становился выше в течение года’.

(5) *tā yī shùnjiān gāo le*
 3SG один моментально высокий PFV
 ‘Он внезапно вырос’.

Наши собственные исследования в области нескольких языков, в первую очередь русского, томо-кан и горномарийского, представляют свидетельства в пользу гипотезы о том, что все деадъективные глаголы являются достижениями. Так, в томо-кан деадъективные глаголы системно не образуют словоформ с актуально-длительным значением (эта возможность ограничена и в русском языке). В горномарийском языке разные типы адвербиалов сочетаются с различными глаголами по правилам, явно отличным от правил английского языка: наречия длительности плохо сочетаются с некоторыми глаголами, образованными от прилагательных открытых шкал:

(6) [?]*rok šukə piŋged-em-ən*
 земля долго твердый-INCH-PRET.3SG
 ‘Земля долго затвердевала’.

В нашем исследовании мы попытаемся, во-первых, систематизировать различные факты, которые не укладываются в классическую теорию скалярности прилагательных. Во-вторых, мы попробуем предложить объяснения для этих фактов в рамках теории структуры глагольных значений Левин и Раппапорт-Ховав

[Levin, Rappaport 1998] и теории структуры события. Как представляется, исследование будет интересно в свете обсуждения скалярности в языках мира, поскольку привлекает материал языков, в которых скалярность deadъективных глаголов ранее не изучалась.

Литература

- Harley 2005 — H. Harley. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English // N. Erteschik-Shir, T. Rapoport (eds.). *The Syntax of Aspect. Deriving Thematic and Aspectual Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 42–64.
- Hay et al. 1999 — J. Hay, C. Kennedy, B. Levin. Scalar Structure Underlies Telicity in “Degree Achievements” // T. Mathews, D. Strolovitch (eds.). *SALT IX*. CLC Publications, Ithaca, 1999. P. 127–144.
- Kearns 2007 — K. Kearns. Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua* 117, 2007. P. 26–66.
- Levin, Rappaport 1998 — B. Levin, H. M. Rappaport. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97–134.
- Lin 2004 — J. Lin. Are degree achievements really achievements? // *Proceedings of the 9th International Symposium on Chinese Languages and Linguistics*. Taipei: National Taiwan University, 2004.

И. А. Зибер
МГУ, Москва

**ПРЕДУДАРНЫЙ И УДАРНЫЙ СЛОГИ
КАК ЕДИНЫЙ КОМПЛЕКС:
о случаях ассимилятивной лабиализации гласных**

В сообщении рассматриваются некоторые случаи дистактного уподобления гласных соседних слогов. В центре исследования — экспериментальные данные русского языка, в котором ассимилируются по признаку лабиализации не только редуцированные гласные (*по пути*), но и гласные первого предударного слога (*тягучий, в стогу*). Схожие результаты получены в ходе полевой работы на материале бесермянского удмуртского; типологические параллели явления обнаруживаются в разных языках.

1. Экспериментальные исследования

Хотя в русском языке случаи межслогового (ассимилятивного) выравнивания гласных отмечаются с середины XX в. [Пауфошима 1980; Панов 1988; Аванесов 2009], очень немногие из них касаются первого предударного слога. Результаты эксперимента с участием 30 носителей РЛЯ подтверждают, что влияние лабиализации ударного гласного на качество предударного существует, причем это верно даже для гласных нижнего подъема в сильной фразовой позиции. Так, частота F2 предударного [a] в слове *какую* в среднем на 13,5% ниже, чем в слове *какая*, и такое понижение F2 зафиксировано у 29 дикторов из 30 (измерения производились с помощью программы Praat; понижение всех формант, главным образом второй, интерпретировалось как лабиализация). Исследовалось также влияние на предударный гласный консонантного и вокалического контекста, степени огубленности ударного гласного, слоговой структуры и других факторов.

Аналогичный эксперимент был проведен на материале бесермянского диалекта удмуртского языка. Идиом характеризует

значительная вариативность в реализации гласных [Идрисов 2012], и ассимилирующее воздействие лабиализации ударного в нем оказалось выражено сильнее, чем в РЛЯ.

2. Типологические параллели

В то время как в современном русском языке и бесермянском диалекте удмуртского мы имеем дело с синхронной вариативностью, другие языки демонстрируют возможность фонологизации контекстных изменений такого рода. Представление «о наличии единой артикуляторной программы» для части слова или даже всего слова целиком применительно к русскому языку [Пауфошима 1980: 64] сближает исследуемое явление с тюркской и финно-угорской гармонией гласных, с т. н. корреляцией по лабиализации ительменского языка [Володин 1997: 60–71], а также с умлаутом, имевшим место в истории германских языков, с двусложными комплексами в современных шведских и норвежских диалектах [Клейнер 2010: 134–135] и ассимилятивными процессами в истории монгольского языка [Владимирцов 1929: 141].

3. Механизмы

Существует множество гипотез о механизмах такого влияния; наиболее убедительным кажется взгляд, при котором некоторая часть слова с опорой на ударный слог в разных аспектах функционирует как единый комплекс (ср. русское «просодическое ядро» [Kodzasov 1999]).

Литература

- Аванесов 2009 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 7-е изд. М.: URSS, 2009.
- Владимирцов 1929 — Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и хакасского наречия. Л.: ЛВИ, 1929.
- Володин 1997 — А. П. Володин. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 60–71.
- Идрисов 2012 — Р. И. Идрисов. Вокализм бесермянского диалекта удмуртского языка на материале говора деревни Шамардан Юка-

- менского района Удмуртии // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 591–607.
- Клейнер 2010 — Ю. А. Клейнер. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
- Панов 1988 — М. В. Панов. О причинах фонетических изменений // Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин (отв. ред.). Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 41–55.
- Пауфошима 1980 — Р. Ф. Пауфошима. Активные процессы в современном русском литературном языке: ассимилятивные изменения безударных гласных // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка 39(1), 1980. С. 61–68.
- Kodzasov 1999 — S. V. Kodzasov. Russian // H. van der Hulst (ed.). Word Prosodic Systems in the Languages of Europe. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1999. P. 852–876.

В. А. Иванов

МГУ, Москва

ИДЕОФОНЫ В ФУНКЦИИ ИНТЕНСИФИКАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ)¹

Предметом работы является синтаксическое поведение идеофонов, рассматриваемое в связи с их семантикой. Основным **материалом** послужили полевые данные автора по диалектам пермских языков.

В типологической литературе выделяется три типа синтаксического употребления идеофонов [Bartens 2000]. Первому типу в пермских языках соответствуют употребления идеофонов с полноценным собственным значением (*independent signifié*) в качестве модификаторов полнозначных глаголов и существительных; семантически полноценные идеофоны выражают конкретный образ и характеризуют предмет или ситуацию с различных точек зрения. Второй тип представлен употреблениями идеофонов в связке с вспомогательным глаголом. Третий тип составляют идеофоны, имеющие значение положительной интенсификации ‘очень, достаточно, чересчур’ и усиливающие значение нескольких близких по значению глаголов или прилагательных. **Предметом** нашего рассмотрения будет третий тип. **Цель** работы — продемонстрировать особенности реализации данного типа в пермских языках.

Для некоторых идеофонов употребление в качестве интенсификатора является основным или даже единственно возможным, ср. удм. бес. (бесермянское наречие удмуртского языка) *чпак тэдды* ‘совершенно белый’, *гом-гом зюаны* ‘сильно гореть, полыхать’. При этом интенсификаторы не всегда просто отличить от тех идеофонов, которые дополнительно вносят какой-то сущест-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 16-24-17003.

венный оттенок, ср. удм. бес. *зар бõрдыны* ‘плакать навзрыд, рыдать’, *кытыр-кытыр серекъяны* ‘сильно смеяться, хохотать’.

Идеофоны не распределены четко по трем типам употребления, большинство из них в пермских языках могут совмещать разные типы. Так, известно, что звукоподражательные идеофоны сочетаются как с вспомогательными, так и с полнозначными глаголами: удм. бес. *дымбыр-шалтыр карыны* ‘греть’ (букв. ‘грох-звук делать’), *дымбыр-шалтыр усьыны* ‘с грохотом упасть’. Однако практически неизвестен следующий факт: семантически полноценные идеофоны, употребляющиеся по первому типу, в сочетании с подходящими по значению прилагательными получают значение положительной интенсификации. Ср. удм. бес. *чындыр-чандыр* (выражает образ чрезмерной худобы): (1) *чындыр-чандыр ныл* ‘худенькая девушка’ — (2) *чындыр-чандыр векчи* ‘очень худой’. В самом деле, в (2) основную семантическую нагрузку несет прилагательное *векчи* ‘тонкий, худой’, а идеофон лишь выражает интенсивность, сохраняя при этом экспрессивную функцию. Такие употребления в основном характерны для идеофонов, выражающих зрительные или зрительно-осознательные образы, соответствующие крайним точкам полярных понятий (например, ‘очень худой’ — ‘очень толстый’).

Совсем не отражена в литературе по пермским языкам способность звукоподражаний развивать интенсифицирующее значение. Например, удм. бес. *шляч* изображает звук шлепка и одновременно интенсифицирует слова *кызыны* ‘напиваться’, *кот* ‘мокрый’, *котмыны* ‘промокать’, ср. *Анаез кваретэ пинялзэ шляч котмыса лыктэм шуса* ‘Мать ругает ребенка за то, что он пришел **вдрызг промокший**’. О неслучайности такого семантико-синтаксического преобразования свидетельствует поведение близких по значению слов в том же идиоме: удм. бес. *тяп* (изображает шлепки по жидкой грязи) интенсифицирует те же слова, что и *шляч*; кроме того, параллели имеются в других языках, ср. горномарийск. *ньоц(ке)* о звуке пощечины и *ньоц шынзайш* ‘вдрызг промокнуть’.

Как кажется, развитие у идеофонов значения интенсификатора оказывается возможным на базе их экспрессивной семан-

тики. Такой вывод поддерживается не только хорошо известной связью между категориями экспрессивности и интенсивности, но и конкретным материалом. Так, для ряда коми диалектов отмечено употребление экспрессивных междометий в функции интенсификатора: *ой-йой пэмид* ‘очень темно’, *ой-йой найан* ‘очень упрямый’; в ряде говоров наречия типа *зэв* ‘очень’ полностью вытесняются междометиями [Сажина 2016]. Ряд конструкций с междометиями в функции интенсификатора зафиксирован нами также для удмуртского языка.

Тот факт, что возможность употребления в функции интенсификатора является общим свойством идеофонов (образных слов), звукоподражаний и междометий, подтверждает справедливость рассмотрения их в составе более широкого класса изобразительной лексики. Отсюда следует также необходимость учитывать данный тип употребления при исследовании синтаксических свойств всех этих лексических групп.

Литература

- Сажина 2016 — С. А. Сажина. Интенсив прилагательных в коми диалектах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация» 1, 2016. С. 64–68.
- Bartens 2000 — A. Bartens. Ideophones and Sound Symbolism in Atlantic Creoles [Annales Academiæ scientiarum fennicæ. Ser. Humaniora; Nide 304]. Helsinki, 2000.

Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, М. А. Сидорова

ИРЯ РАН, МГУ, Москва

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ПОЛЕ ЗАКРЫВАНИЯ (семантика глаголов со значениями ‘открыть’ и ‘закрыть’)¹

Доклад посвящен пилотному лексико-типологическому исследованию глаголов, описывающих ситуации закрывания (ср. рус. *закрыть, запереть, заткнуть, заслонить, накрыть*) и открывания (ср. рус. *открыть, отпереть, распахнуть*). В первую из этих зон мы включаем глаголы, описывающие прекращение доступа к статичному объекту путем создания преграды, во вторую — глаголы, описывающие создание доступа к статичному объекту путем устранения преграды.

Мы следуем фреймовому подходу к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013]. Текущая выборка включает русский, польский, шведский, коми-зырянский (ижемский), горномарийский и хантыйский (шурышкарский, тегинский) языки (о выборках в лексической типологии см. [Рахилина, Прокофьева 2004; Кашкин 2013]). Данные собраны при работе с информантами, словарями и корпусами.

Типологических исследований рассматриваемого поля ранее не проводилось. При этом его разработка важна для теоретического развития лексической типологии. Большинство предыдущих лексико-типологических исследований затрагивали ситуации с малым количеством базовых участников. Это касается всех исследований признаковой лексики (ср. [Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015; Кашкин 2013]), фокусирующихся на семантическом варьировании определяемого имени, а также многих исследований глагольных полей: ср. субъект и ориентир для глаголов вращения [Круглякова 2010], субъект и место для глаголов позиции [Кожемякина и

¹ Исследование горномарийского языка поддержано грантом РГНФ № 16-04-18037е. Исследование коми-зырянского и хантыйского языков поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

др. 2014], источник звука для глаголов звука [Резникова и др. (ред.) 2015]. Для некоторых полей полное богатство аргументов игнорировалось исследователями, ср. [Majid et al. 2007] о глаголах разделения. В свою очередь, для нашего поля инвентарь аргументов оказывается очень богатым: помимо субъекта (*Мама закрыла дверь*, *Дерево заслоняет дом*) и объекта (*закрыть дверь*), это закрываемое пространство (*закрыть комнату*), инструмент (*закрыть дверь на замок*), а также тип доступа к закрываемому пространству и тип участника, осуществляющего доступ (ср. *закрыть комнату от посторонних* — перемещение и *заслонять вход от взглядов прохожих* — зрительное восприятие). Кроме того, аргументы могут находиться в разных отношениях, ср. контактное и дистантное расположение закрываемого пространства и инструмента ([*плакать и*] *закрыть лицо руками* vs. *закрыть лицо руками [от летящего мячика]*). Тем самым, эти глаголы представляют эмпирический материал для понимания того, как взаимодействуют в семантике отдельной лексемы и в типологической перспективе характеристики многих участников ситуации, а также могут стать точкой для совершенствования подходов к типологическому анализу других семантических зон с разветвленной структурой участников.

Нами выделены следующие типологически релевантные фреймы (данные, как и модели семантических сдвигов, будут подробнее обсуждены в докладе):

- преграда в строении (дверь, окно): дополнительно противопоставлено закрывание с помощью запирающего устройства или без его обязательного использования (ср. коми-зырянский *томнооны* ‘закреть на замок’);
- преграда для зрительного восприятия функциональной части (книга, газета): ср. возможность в шведском языке доминантного глагола *öppna* ‘открыть’, но невозможность антонимичного (тоже доминантного) *stänga* ‘закреть’;
- контейнеры (кастрюля, сумка): помимо глаголов, описывающих закрывание преграды в строении, в языках допускаются и глаголы типа ‘накрыть’ с семантикой контактного покрытия поверхности;

- отверстие: ср. специализацию коми-ижемского *тупкыны* и польского *zatkać* для этого фрейма. Также возможен глагол с более широкой семантикой плотного закрытия, ср. горномарийский *pitäräs̄* ‘заткнуть отверстие; закрыть дверь (чаще на замок или с помощью какой-либо подпорки); закрыть кран’;
- вращающиеся механизмы (кран, вентиль): дополнительно, в т. ч. метонимически, может обособляться ситуация прекращения функционирования (ср. рус. *закрыть кран* vs. *перекрыть кран/воду*);
- «самозакрывающиеся» части тела (глаза, рот), ср. коми-зырянский глагол *тшӧкӧдны* ‘закрыть (глаза)’;
- преграда (часто дистантная) для визуального восприятия или физического воздействия, ср. польский глагол *osłonić*, покрывающий этот фрейм: во многих контекстах происходит семантический переход *закрыть, заслонить* → *защитить*; при этом существует нейтральный глагол *obronić* ‘защитить’;
- контактное покрытие поверхности: дополнительно противопоставлены полное и неполное покрытие, гибкость и негибкость покрываемого предмета (инструмента). Ср. польские *zakryć* ‘закрыть, сделать невидимым’ — создание преграды для визуального восприятия/воздействия, полное покрытие; *nakryć* — в основном про гибкие предметы.

Литература

- Кашкин 2013 — Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... к.ф.н. МГУ, М., 2013.
- Кожемякина и др. 2014 — А. Д. Кожемякина, М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации // XI Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб, 2014. С. 83–85.
- Круглякова 2010 — В. А. Круглякова. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... к.ф.н. РГГУ, М., 2010.
- Рахилина, Прокофьева 2004 — Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания 1, 2004. С. 60–78.

- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31.
- Резникова и др. (ред.) 2015 — Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова (ред.). Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Коптjевскaja-Тамм 2015 — М. Коптjевскaja-Тамм (ed.). The Linguistics of Temperature. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2015.
- Majid et al. 2007 — A. Majid, M. Bowerman, M. Van Staden, J. Boster. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics 18(2), 2007. P. 133–152.

Е. Г. Колос
МГУ, Москва

ОБ ОФОРМЛЕНИИ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ И ПОСЕССОРА ИГ В БАРГУЗИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

Рассматривается утрата фонетической мотивированности выбора алломорфа генитива *-Ай* при оформлении посессора ИГ и использование его в нетипичных для генитива синтаксических конфигурациях. Данный алломорф предлагается считать показателем **коннектива** (CNT), а образования вида *-Ай-е* (CNT-ACC) и *-Ай-н* (CNT-GEN) случаями case-stacking. Рассматриваются также другие алломорфы, имеющие схожую тенденцию: *-шА, -е, -∅*.

Данные были получены в ходе сбора материалов по именной морфологии баргузинского диалекта в экспедиции в Респ. Бурятия в 2015 и 2016 гг.

В описаниях [Поппе 1960; Санжеев (ред.) 1962] постулируется следующее дополнительное распределение алломорфов аккумулятива:

- ые* V (но не *-и*), C (но не *-н*),
V/n с их удалением;
- ые* $\eta \leftarrow ng$;
- иие* C', n, i, i/n (с удалением /n);
- е* VV, Vi, VV/n (с удалением /n).

Кроме того, постулируется следующее дополнительное распределение алломорфов генитива:

- ын* V (но не *-и*), CC;
- иин* i, C';
- Ай* C;
- гАй* VV, $\eta \leftarrow ng$, а также заимствованиям на ударный гласный;
- н* Vi.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

В изучаемом диалекте наблюдаются следующие важные отличия от описанного распределения:

- алломорф *-Ай* присоединяется у большинства носителей **ко всем** типам основ и его выбор не определяется фонетически. (1)–(6). Алломорф *-i:n* способен присоединяться также к основам на с и VV (где в литературном языке ожидался бы *-Ай*) (7)–(8). Таким образом, при оформлении посессора ИГ выбирается либо (*i:n*-генитив, либо *-Ай*);

- синтаксическая дистрибуция *-Ай* шире, чем просто оформление посессора ИГ. Так, данный показатель может оформлять имя в позициях, где типично аккузативное оформление (напр., прямое дополнение) (9);

- для ряда основ возможно присоединение показателя аккузатива *-e* при оформлении посессора ИГ (11);

- возможно использование неформленного падежа для выражения прямого дополнения (описано для литературного языка), но также и для выражения посессора ИГ (12)–(15);

- используется особое падежное маркирование, где первым компонентом является показатель *-Ай*, а вторым — собственно показатель генитива (*-n*) или аккузатива (*-e*). Подобные формы (на *-Ай-e* и *-Ай-n*) имеют дистрибуцию аккузативных и генитивных форм соответственно. (См. материалы 2-ой Международной конференции по монгольскому языкознанию) (16)–(17);

- для основ на *-д/-т* (поэтому часто после показателя множественного числа) используется диалектный вариант аккузатива на *-шА* (18). Этот же показатель может присоединяться при оформлении посессора с теми же основами.

Основа на кластер согласных:

- (1) *министр-ай* *үгэ-нүүд*
 министр-GEN слово-PL
 ‘слова министра’

Основа на краткий гласный:

- (2) *Бадм-ай* *гэр*
 Бадма-GEN дом
 ‘дом Бадмы’

Основа на дифтонг:

- (3) *нохой-гой* *эдеэн*
собака-GEN еда
'еда собаки'

Основа на мягкий согласный:

- (4) *Игор-ей* *нүхэр*
Игорь-GEN друг
'друг Игоря'

Основа на краткий *-и*:

- (5) ?*Дар-яй* *нүхэр*
Дари-GEN друг
'друг Дари'

Основа на *-i*:

- (6) ?*харгы-гай* *хажууда*
дорога-GEN возле
'возле дороги'

- (7) ?*Дугар-ын* *гэр*
Дугар-GEN дом
'дом Дугара'

- (8) ?*Бадраа-гийн* *гэр*
Бадраа-GEN дом
'дом Бадры'

- (9) *Бадм-ай* *хар-аа-б.*
Бадма-GEN видеть-PRT1-1SG
'Я видел Бадму'.

- (10) **Бадм-ын* *хар-аа-б.*
Бадма-GEN видеть-PRT1-1SG
Ожид.: 'Я видел Бадму'.

- (11) *Бадраа-е* *гэр*
Бадраа-ACC дом
'дом Бадры'

- (12) *Бадраа гэр*
 Бадраа дом
 ‘дом Бадры’
- (13) **Бадраа хар-аа-б.*
 Бадраа видеть-PRT1-1SG
 ‘Я видел Бадру’.
- (14) ?*гэр дала*
 дом крыша
 ‘крыша дома’
- (15) *Гэр хар-аа-б.*
 дом видеть-PRT1-1SG
 ‘Я видел дом’.
- (16) *Дугар-ай-е хар-аа-б.*
 Дугар-GEN-ACC видеть-PRT1-1SG
 ‘Я видел Дугара’.
- (17) *Дугар-ай-н гэр*
 Дугар-GEN-GEN дом
 ‘дом Дугара’
- (18) *хүбүү-шэ хар-аа-б.*
 мальчик-PL.ACC видеть-PRT1-1SG
 ‘Я видел мальчиков’.
- (19) *хүбүү-шэ хүбс-үүд*
 мальчик-PL.ACC одежда-PL
 ‘одежда (для) мальчиков’

Наблюдаемую систему, а именно использование ряда алломорфов генитива и аккумулятива для оформления имени в позиции прямого дополнения и позиции посессора одновременно, можно было бы анализировать с помощью введенного в [Janhunen 2003] понятия **коннектива** (Connective Case) — падежа, возникающего в ряде монгольских на месте утраченных генитива и аккумулятива.

Случаи вида (16)–(17) можно расценивать как case-stacking.

Список условных сокращений

/n — неустойчивый н; А —гармонирующий гласный; с — твердый согласный; С' — мягкий согласный; СС — кластер согласных; CNT — коннектив; n — переднеязычный н; $\eta \leftarrow ng$ — заднеязычный н; V — краткий гласный; Vi — дифтонг; VV — долгий гласный.

Литература

- Санжеев (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (ред). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Janhunen 2003 — J. Janhunen. On taxonomy of nominal cases in Mongolic // *Altai Nakro* 13. Seoul: The Altaic Society of Korea, 2003. P. 83–90.
- Poppe 1960 — N. N. Poppe. *Buriat Grammar*. Vol. 2. Bloomington: Indiana University, 1960.

Н. А. Муравьев

ИЯз РАН, Москва

**МЕЖДУ ОДНОВРЕМЕННОСТЬЮ И ПРЕДШЕСТВОВАНИЕМ:
к типологии лимитива как особого таксисного значения**

В теоретических и типологических исследованиях по таксису и таксисным конструкциям довольно часто упоминается особый вид таксисного отношения, при котором точечная ситуация ограничивает протекание во времени длительной ситуации. Это значение называется *terminus ad quem* в [Kortmann 1998], конечной границей (*terminal boundary*) в [Givón 2000] и прерывающим следованием в [Храковский 2009]. Тем не менее подробных описаний данного значения мы не находим, если не считать работ по конкретноязыковым конструкциям (ср., например, [Падучева 2014] о русском *пока (не)*). В настоящем докладе мы рассмотрим специфику данного значения на материале 26 языков разной генетической принадлежности.

Данное таксисное значение, которое мы будем называть лимитивом, имеет широкое распространение в языках мира. Это значение задает точку на временной оси, в которой главная ситуация перестает иметь место. Зависимая же ситуация может как совпадать, так и не совпадать во времени с главной, как показывают примеры из ненецкого (1) и адыгейского языков (2) ниже.

- НЕНЕЦКИЙ
- (1) *n'eb'a-waq ɲət'e-wa-x°naq*
мать-ACC.1PL ждать-IMPF.AN-DAT.1PL
s'anako-y°bt'e-x°-waq
играть-DIM-NORT-1PL
'Давай, пока ждем мать, поиграем немного'.

[Nikolaeva 2014: 368]

- АДЫГЕЙСКИЙ
 (2) *te* *ɤ^weg^wə-m* *tə-rə-k^we-tə-ɤe* *a-r*
 мы дорога-OBL 1PL.ABS-INSTR-идти-AUX-PST тот-ABS
t-je-mə-fe-fe
 LOC-DAT-NEG-упасть-LIM
 ‘Мы шли по дороге, пока он не упал’.

Возникает вопрос, является ли лимитивное значение подви- дом значения одновременности или предшествования или не от- носится ни к одному из значений и имеет собственную таксис- ную специфику. Так, от стандартного предшествования лимитив отличает, например, использование в модальных контекстах с се- мантикой потенциальной локализации зависимой ситуации в любой момент до главной. Таким образом, в (3) из багвалинского ситуа- ция ‘точить’ потенциально завершается за некоторое время до си- туации ‘начинать косить’, что не позволяет говорить об ограни- чительности отношения. Однако на самом деле, ограничивается здесь не сама ситуация ‘точить’, а императивная модальность, ко- торая актуальна до ‘начинать косить’ и неактуальна после.

- БАГВАЛИНСКИЙ
 (3) *de:* *χan-a* *aʃ:-a-biɬa,* *χalicer*
 я косить-MS.IPF.INF начинать-POT-ANT1 коса
b-aɣ-a
 N=точить-POT.IMP
 ‘Пока я не начала косить, поточи мне косу’.

[Чумакина 2001: 600]

От стандартной же одновременности лимитив отличается обязательным наличием ограничительной точки. Особенно хорошо это заметно в сочетаниях с глаголами, основа которых имеет как предельное, так и непредельное акциональное значение. Так, в (4) из мокшанского языка глагол *l'ijəms* ‘лететь’ допускает непредельную интерпретацию и, соответственно, одновременное прочтение, а также предельную интерпретацию и разновременное прочтение. Тем не менее, данные прочтения не являются взаимоисключающими, а напротив, показывают одно и то же таксисное сочетание под разным углом и подчеркивают

особый характер одновременного отношения по сравнению со стандартной одновременностью.

- МОКШАНСКИЙ
- (4) *l'ijə-mə-zə-nzə* *mon p'id'-an* *užin*
 сохнуть-INF-ILL-3SG.POSS я варить-NPST.1SG ужин
 'Пока он летит, я сварю ужин'.
 'Пока он не прилетел, я сварю ужин'.

Эти и другие наблюдения говорят в пользу того, что семантика лимитива не является частным случаем предшествования или одновременности, а занимает промежуточное положение между данными значениями. Ключевым же моментом является не конкретная относительная локализация двух ситуаций, а выделение имплицативного интервала с истинностью обеих пропозиций до точки и ложностью после. Именно данный принцип и позволяет говорить о лимитиве как об особом виде таксиса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; AN — номинализация; ANT — предшествование; AUX — вспомогательный глагол; DAT — датив/дативный преверб; DIM — диминутив; HORT — гортатив; ILL — иллатив; IMP — императив; IMPF/IPF — имперфектив; INF — инфинитив; INSTR — инструментальный преверб; LIM — лимитив; LOC — локативный преверб; MS — масдар; N — средний класс; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — обликвус; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Падучева 2014 — Е. В. Падучева. Эксплетивное отрицание и семантика союза *пока* // В. А. Плуноян и др. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 339–350.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.

- Чумакина 2001 — М. Э. Чумакина *Обстоятельственные предложения* // А. Е. Кибрик (ред.). *Багвалинский язык (грамматика, тексты, словарь)*. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. С. 595–612.
- Givón 2001 — T. Givón. *Syntax: An Introduction*. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Kortmann 1998 — B. Kortmann. *Adverbial subordinators in the languages of Europe* // J. van der Auwera, D. P. Ó Baoill (eds.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe [Empirical Approaches to Language Typology 20(3)]*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 457–561.

М. А. Нагорная

МГУ, Москва

СОСТАВНОЙ РЕФЛЕКСИВ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данном докладе будут описаны свойства бурятского составного рефлексива:

- (1) *Сэсэг бэ-яан-аа бэ-ээр-ээ ай-на.*
Сэсэг тело-ABL-REFL тело-INSTR-REFL бояться-PRT1
'Сэсэг сама себя боится'.
- (2) *Дугар Санжидма-да бэе-һээ-нь бэе-дэ-нь ном*
Дугар Санжидма-DAT тело-ABL-3 тело-DAT-3 книга
аба-ба.
братъ-PRT2
'Дугар купил Санжидме книгу у нее самой (у Санжидмы)'.

Как показывают примеры (1)–(2), составной рефлексив в бурятском языке образуется как сочетание двух простых рефлексивов, к которым присоединяются падежные показатели и показатели рефлексивности/посессивности.

К сожалению, на данный момент отсутствуют работы, в которых бурятские составные рефлексивы были бы описаны как анафорические средства. В грамматиках бурятского языка [Поппе 1938; Санжеев (ред.) 1962] упоминается лишь одно простое рефлексивное местоимение *өөрөө* («возвратно-указательное местоимение» по Санжееву), причем в данных работах оно описано исключительно с морфологической точки зрения. В то же время составные рефлексивы представляют большой интерес с точки зрения того, как могут быть устроены рефлексивные именные группы.

¹ Данные были собраны в ходе экспедиции Отделения Теоретической и Прикладной Лингвистики филологического факультета МГУ в улус Барагхан (Респ. Бурятия) в 2015 и 2016 гг. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

Рассмотрим **падежные показатели** на рефлексивных местоимениях, образующих составной рефлексив. Одно местоимение, как правило, имеет падеж собственно рефлексива, а второе копирует падеж antecedента. В первом примере, однако, второй рефлексив стоит в инструменталисе, тогда как antecedент — в номинативе. Это объясняется тем, что у местоимения *бэеэ* форма номинатива отсутствует, и интенсифицирующую функцию выполняет именно форма инструменталиса *бэээрээ*.

Интересно, что в случае с объектным результативом рефлексив становится кореферентен не формальному субъекту, а именно агентивному участнику в инструменталисе, и тогда падеж одного из рефлексивов действительно совпадает с падежом antecedента:

- (3) *Энэ гэр Бадм-аар бэе-д-ээ бэ-еэр-ээ*
 этот дом Бадма-INSTR тело-DAT-REFL тело-INSTR-REFL
бар-яатай.
 строить-OBJ.RES
 ‘Этот дом был построен Бадмой для себя самого’.

В данном случае, как и во многих других, местоимения, входящие в состав составного рефлексива, можно поменять местами.

Рефлексивные/посессивные показатели накладывают свои ограничения на свойства antecedента составного рефлексива: рефлексивные показатели делают составной рефлексив субъектно-ориентированным, в то время как посессивные показатели указывают на наличие подлежащего s-командующего antecedента.

Заметим, что точно такая же ситуация наблюдается с простыми рефлексивами: без рефлексивного/посессивного показателя они не употребляются, с рефлексивным показателем они субъектно-ориентированы, а с посессивным имеют antecedентом подлежащую ИГ (причем необязательно выраженную).

- (4) *Баир бэе-д-ээ дура-тай.*
 Баир тело-DAT-REFL любовь-COM
 ‘Баир любит себя’.

- (5) *Дугар бэе-ы-нь хар-аа.*
Дугар тело-ACC-3 видеть-PRT1
'Дугар увидел его самого/ее саму (*себя)'.

В докладе, кроме обзора данных свойств бурятского составного рефлексива, будет приведен некоторый анализ его синтаксических свойств, помогающий определить его локальную область (опираясь на [Chomsky 1981]), а также будет описана возможность использования в составе составного рефлексива местоимения *өөрөө*.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; COM — комитатив; DAT — датив; INSTR — инструменталис; OBJ.RES — объектный результатив; PRS — настоящее время; PRT1/PRT2 — прошедшее время; REFL — рефлексив.

Литература

- Поппе 1938 — Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938.
Санжеев (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (ред). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.

С. О. Никифорова
НИУ ВШЭ, Москва

КОНСТРУКЦИИ С АДВЕРБИАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ИВРИТЕ

Исследование посвящено конструкциям с адвербиальными глаголами (адвербиальным конструкциям, АК) в современном иврите.

Адвербиальными глаголами в ряде работ по современному ивриту называются глаголы, в семантическое толкование которых входит компонент с т. н. «адвербиальным» значением (значением, некоторым образом характеризующим описываемую ситуацию: ‘быстро’, ‘рано’, ‘хорошо’ и т. п.).

Адвербиальными конструкциями мы называем конструкции типа $V_{\text{matr}} + V_{\text{inf}}$, где V_{matr} — адвербиальный глагол, в прямом значении не матричный, но в конструкции получающий валентность на сентенциальный актанта (инфинитив) и описывающий параметры ситуации, которую обозначает этот инфинитив.

- (1) *be=dereḥ klal hi memaetet likro*
обычно она уменьшить.PRS.3SG.F читать.INF
be=xuḥša
в=отпуск
‘Обычно она мало читает в отпуске’.

Конструкции такого типа были неоднократно описаны для библейского иврита, но почти совсем не описаны для современного (возможно, вследствие принадлежности к «высокому» стилю). Материалом для настоящего исследования послужили данные, полученные от носителей языка.

Было установлено, что ограничения на грамматическую форму адвербиального глагола, синтаксическую позицию конструкции и лексическое наполнение позиции инфинитива отсутствуют.

Всего было выявлено восемь глаголов, образующих АК; их можно разделить на две группы.

В первую группу входят глаголы, АК с которыми характеризуют только собственно действие:

- *lemaet* ‘уменьшать’ → ‘мало; редко’;
- *leharbot* ‘умножать, увеличивать’ → ‘много; часто’;
- *lehaarix* ‘удлинять’ → ‘долго’;
- *lehakdim* ‘предварять’ → ‘рано’;
- *leaxer* ‘опаздывать’ → ‘поздно’;
- *lehetiv* ‘улучшать’ → ‘хорошо’ (высокая степень качества выполнения действия).

Во вторую группу входят глаголы, АК с которыми характеризуют только субъект действия:

- *lehaskil* ‘поумнеть’ → 1) ‘поступить умно, сделал что-либо’; 2) ‘суметь что-то сделать’; не может означать ‘сделать умно (умным образом)’;
- *lehakpid* ‘быть педантичным’ → ‘проявить педантичность, сделал что-либо’; не может означать ‘сделать что-либо тщательно’.

- (2) *hu hiskil laanot al ha-šeela*
 он умнеть.PST.3SG.M отвечать.INF на DEF-вопрос
 а. ‘Он сумел ответить на вопрос’ (потому что знал ответ).
 б. ‘Он ответил на вопрос, и это было умным поступком’.
 (Неважно, правильно ли он ответил на вопрос; если бы он промолчал, это было бы глупо)
 с. #‘Он умно ответил на вопрос’.

Глаголы двух групп различаются не только значением своих АК, но и их поведением в контексте отрицания. Так, в случае глаголов первой группы при внутрикаузальном отрицании отрицается тот семантический компонент, который привносится адвербиальным глаголом (‘поздно’, ‘долго’ и т. п.); при отрицании в подчиняющей клаузе (‘неверно, что...’) добавляется интерпретация, при которой отрицается все действие целиком. Глаголы второй группы не чувствительны к месту отрицания: в любом случае отрицается факт действия и сохраняется оценка, привносимая ад-

вербиальным глаголом. Мы предполагаем, что причина различий между двумя группами АК — их разная внутренняя структура.

Структура АК с глаголами первой группы — [P&Q(P)], где Q — адвербиальный семантический компонент глагола, P — пропозиция, к которой он применен (ср. также структуру русского глагольно-адвербиального комплекса в [Падучева 2013]).

При отрицании внутри клаузы отрицается только компонент Q(P); компонент P имеет статус пресуппозиции. При отрицании в подчиняющей клаузе отрицаться может или только компонент Q(P), или оба компонента сразу. Только P отрицаться не может, потому что тогда оставшаяся часть будет не интерпретируема.

Иная ситуация с глаголами второй группы. В структуре АК с ними присутствуют ассертивная и пресуппозитивная часть. В пресуппозиции находится оценка говорящим ситуации P (а точнее, факта ее осуществления) как проявления субъектом свойства Q ('умно', 'педантично'). В ассерции же находится утверждение о том, что ситуация P произошла.

В положительном контексте утверждается ассертивный компонент — факт P имеет место. Из-за пресуппозиции того, что P — это проявление свойства Q, возникает именно то значение, которое мы наблюдаем у АК: 'субъект проявил свойство Q'. Под отрицанием пресуппозиция сохраняется, отрицается лишь ассерция, т. е. факт осуществления действия: субъект не совершил P, хотя это и было бы проявлением Q.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; DEF — определенность; F — женский род; INF — инфинитив; M — мужской род; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.

А. Ч. Пиперски

РГГУ — НИУ ВШЭ, Москва

**ДАВАЙТЕ Ж УМРЁМ ПОД МОСКВОЙ:
о конкуренции средств выражения гортатива
в русском языке**

Русский язык обладает большим разнообразием средств выражения императивных и гортативных значений (я опираюсь на разграничение императива и гортатива, принятое в [Auwera et al. 2013]). К их числу относятся формы собственно императива (*пиши, пишите*), синтетические формы гортатива (*идём, идёмте*; первая из них не отличается от индикатива), а также многочисленные аналитические конструкции с гортативным значением: *давай(те) писать, давай(те) напишем, будем(те) писать, станем(те) писать, пойдём(те) погуляем* и т. п. [Володин, Храковский 1986; Храковский 2002; Горлова 2014]. При этом в большинстве работ, посвященных русским гортативным конструкциям, все они рассматриваются как сосуществующие, а их конкуренции не уделяется должного внимания (исключением является работа [Podlesskaya 2006]).

В докладе на основе корпусных данных будет продемонстрировано, как с течением времени менялись средства выражения гортативного значения совместного лица множественного числа (в терминологии [Храковский (ред.) 1992: 26]), или расширенного инклюзива [Горлова 2016], т. е. форм, выражающих призыв, направленный на говорящего и группу слушающих.

В древнерусском языке это значение выражалось специальными формами на *-ъмь/-имь* (*несъмь, съхнъмь, пишимь, ходимь*), в большинстве случаев отличными от 1PL индикатива [Галинская 2015: 373]. Эти формы были в употреблении вплоть до конца XIV в., а затем были вытеснены соответствующими формами индикатива, которые начинают употребляться в гортативной функции уже с XII в. [Соболевский 1907: 253]. Формы на *-мте*

появляются лишь в XVII веке: *попльшимъте, грънемъте* ‘давайте начнем грести’ [Галинская 2015: 396–397]; они употребительны только от глаголов совершенного вида, а также от глаголов ненаправленного движения, например *идёмте* [Горлова 2016]. Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru) показывают, что пик популярности этих форм от глаголов совершенного вида приходится на 1840–1870-е гг. (форма на *-идёмте* исключена из рассмотрения)¹:

Однако уже в период расцвета форм на *-мте* начинают фиксироваться конструкции с совершенным видом типа *давайте напишем*: первый пример такой конструкции в НКРЯ приходится на 1835–1841 гг.:

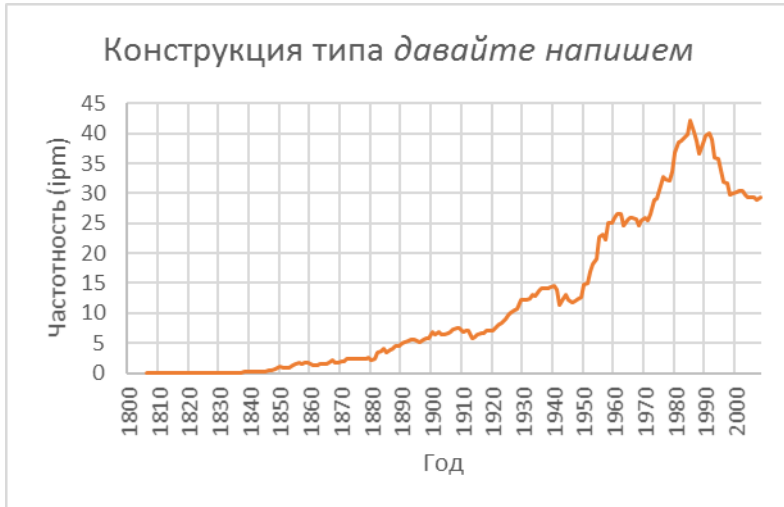
- (1) ...*давайте, вместо этого, помирим двух наших приятелей.*
[Н. В. Гоголь]

¹ Для построения графика использованы только примеры из текстов, датированных с точностью до года. В связи с малой частотностью конструкции использовано сглаживание: для каждого года берутся данные за 6 лет до него и за 6 лет после него (т. е., например, метке «1840» соответствуют данные за 1834–1846 включительно).

При этом элементы этой конструкции на письме часто разделяются запятой, что показывает, что она все еще осознается как состоящая из двух клауз:

(2) *Давайте, сочтем, сколько тут денег.* [И. И. Лажечников 1856]

Видно, что по мере исчезновения форм на *-мте* популярность конструкции типа *давайте напишем* начинает увеличиваться:

Таким образом, пример гортатива совершенного вида со значением расширенного инклюзива показывает, что конструкции с гортативным значением в русском языке не просто мирно сосуществуют, а активно конкурируют друг с другом. Природа этой конкуренции нуждается в подробном исследовании не только в качественном, но и в количественном аспекте.

Литература

Auwers et al. 2013 — J. van der Auwers, N. Dobrushina, V. Goussev. Imperative-Hortative Systems // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (<http://wals.info/chapter/72>)

- Podlesskaya 2006 — V. I. Podlesskaya. Auxiliation of “give” verbs in Russian: Discourse evidence for grammaticalization // T. Tsunoda, T. Kageyama (eds.). *Voice and Grammatical Relations (In Honor of Masayoshi Shibatani)*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 271–298.
- Володин, Храковский 1986 — А. П. Володин, В. С. Храковский. Семантика и типология императива: русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Галинская 2015 — Е. А. Галинская. Историческая грамматика русского языка. М.: URSS, 2015.
- Горлова 2014 — А. А. Горлова. Сериальные императивные конструкции в русском языке // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития: материалы Международного форума (Петрозаводск, 9–13 декабря 2014 г.). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. С. 140–143.
- Горлова 2016 — А. А. Горлова. Гортативные конструкции в русском языке // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII*, 1, 2016. С. 379–392.
- Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М.: Университетская типография, 1907.
- Храковский (ред.) 1992 — В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Храковский 2002 — В. С. Храковский. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // *Русский язык в научном освещении* 2(4), 2002. С. 91–101.

А. С. Пискунова
НИУ ВШЭ, Москва

**КОРРЕЛЯЦИЯ ДИСТРИБУЦИИ
ПАДЕЖНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ -š/-škâ(ä)
СО ШКАЛОЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ
В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Для многих групп языков, в том числе финно-угорских, есть ограничение на использование локативных падежей с одушевленными именами. В данной работе рассматривается то, в какой степени разные классы одушевленных существительных допускают маркирование одним из локативных падежей, иллативом (в горномарийском языке маркируется показателем -š/-škâ(ä)), а также то, от чего это зависит. Исследование проводилось на материале, собранном в с. Микряково Респ. Марий Эл летом 2016 г.²

Отталкиваясь от иерархии одушевленности [Silverstein 1976], я рассмотрела различные классы существительных (Таблица 1):

Таблица 1. Маркирование иллативом

			ILL
animate	human	местоимения 1–2 лица	–
		местоимения 3 лица	–
		имена собственные	+*/–
		имена личные	+*/–
	unhuman	местоимения 3 лица	–
		имена собственные	+*/–
		имена личные	+*/–
inanimate		+	

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

² Экспедиция в Горномарийский р-н Респ. Марий Эл была поддержана грантом РГНФ № 17-04-18036 «Экспедиция по сбору данных алтайских и уральских языков».

Согласно полученному материалу, все опрошенные информанты запрещали маркирование личных местоимений иллативом (–). В случае с неодушевленными именами иллатив используется свободно (+). Но есть и промежуточные случаи, в которых иллатив в сочетании с одушевленными именами возможен, но его использование зависит от контекста (+*/–) (1)–(4).

Среди подходящих контекстов можно выделить следующие:

а) тело как контейнер, т. е. объект проникает непосредственно в него:

- (1) *t'ot'a-škâ snar'ad-ân oskolkâ värešt-ân*
 дед-ILL снаряд-GEN осколок попадать-PRF.3SG
 ‘В моего деда попал осколок снаряда’.

б) тело как метафорический контейнер:

- (2) *Vas'a-škâ keremet pâr-ân*
 Вася-ILL злой.дух входить-PRF.3SG
šânz-en
 находиться.в.заклучении-PRF.3SG
 ‘В Васю вселился злой дух’.

в) сходство двух объектов (только с глаголом *smaxivaješ* ‘смахивать, походить на кого-либо’):

- (3) *mân-ân äzäm ätä-m(ä)-škâ smaxivaj-a*
 я-GEN брат отец-POSS.1SG-ILL смхивает-NPST.3SG
 ‘Мой брат смхивает на (моего) отца’.

г) смена состояния/рода деятельности (с глаголом *särnältäš* ‘превращаться’):

- (4) *inžener gâc vas'a dvornikâ-škâ särnält-ân*
 инженер из Вася дворник-ILL превращаться-PRF.3SG
 ‘Вася был инженером, а стал дворником’.

Контексты а) и б) напрямую связаны с прямым пространственным значением иллатива (движение в контейнер). Здесь можно наблюдать метафорический перенос в отношении участника ситуации: одушевленный объект превращается в контейнер.

В контекстах с) и d) наблюдается метафорический перенос всей ситуации. Так, в (3) это перемещение внешнего облика с одного участника на другого, а в (4) иллатив используется в значении трансформатива, т. е. в значении перемещения участника из одного состояния в другое [Ганенков 2002]. Обобщает эти два контекста т. н. «динамический» подход к глагольной семантике, когда исходное значение слова изменяется под действием контекста [Падучева 2004].

Таким образом, наш материал показывает, что возможность появления иллативного показателя на одушевленном имени коррелирует со шкалой одушевленности, а также с глаголом, определяющим контекст ситуации.

Литература

- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of Features and Ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages [Linguistic Series 22]. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications, 1976.

Е. А. Рыжкова

СПбГУ, Санкт-Петербург

УТОЧНЕНИЕ СТАТУСА НЕКОТОРЫХ «АДЛОГОВ» В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ¹

Послелогои и некоторые предлоги ингерманландского финского обладают рядом черт, сближающих их с существительными. Это обусловлено их этимологией: большинство финно-угорских послелогов восходят к существительным; при этом наиболее распространенный тип послеложной группы (N.GEN + POSTP) повторяет конструкцию с генетивным посессором [Майтинская 1982: 19]. Финские адлоги можно разделить на три группы: 1) адлоги, не присоединяющие падежных показателей (лит. фин. *ilman* ‘без’, *ohi* ‘мимо’ и т. п.); 2) адлоги, образующие серии; 3) адлоги с одним застывшим локативным показателем в составе [ISK 2004]. Группа (2) наиболее близка к существительным, что и делает ее объектом дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, класс адлогов в ингерманландском финском неоднороден. Представляется возможным выделить критерии для определения места единицы на шкале «существительное → адлог».

Для разработки критериев были отобрано четыре единицы со спорным статусом (*al-* ‘под’, *keski-* ‘середина’, *väl-* ‘промежуток’, *ümpär’i-* ‘вокруг’²). Основанием для выбора послужили следующие свойства данных единиц: способность к образованию серии, пространственное значение, наличие однокоренного существительного с соответствующим значением. Данные единицы сопоставлялись с адлогами и существительными, отнесение которых к соответствующим классам вызывает меньше сомнений.

¹ Полевой материал был собран летом 2016 г. в Гатчинском и Волосовском р-нах Ленинградской обл.

² Даны корни серийных адлогов, к которым могут присоединяться падежные показатели (*keski-llä* ‘середина-AD’, *keski-ssä* ‘середина-IN’ и т. п.).

Подобные адлоги отбирались по следующим признакам: не образуют серий, имеют абстрактное значение, однокоренное существительное со сходным значением отсутствует (*kans* ‘с’ и т. п.). Отобранные существительные обладают следующими свойствами: вещественные значения и способность занимать синтаксические позиции, которые характерны для существительных (*tuopi* ‘кружка’ и т. п.).

Были выделены следующие синтаксические критерии:

- а) способность занимать позиции подлежащего или прямого дополнения;
- б) способность присоединять согласованное зависимое;
- в) запрет на разрыв единицей квазирелятивов³;
- г) возможность анафорической отсылки⁴.

Критерии (а) и (б) применялись в исследованиях сходных единиц в других уральских языках [ISK 2004; Бирюк 2005; Дрофа 2015; Arkhangelskiy, Usacheva 2015], критерий (б) также упоминается в [Ojutkangas 2000] в связи с грамматикализацией финского существительного *käsi* ‘рука’. Критерии (в) и (г), по-видимому, не использовались на материале финно-угорских адлогов.

В Таблице 1 представлены результаты сравнения анализируемых единиц:

Таблица 1. Синтаксические свойства рассматриваемых единиц

	Существительное	<i>väl’-</i>	<i>keski-</i>	<i>ümpär’i-</i>	<i>al-</i>	Адлог
(а)	+	+	+	–	–	–
(б)	+	+	–	–	–	–
(в)	+	–	–	+	–	–
(г)	+	+	+	+	–	–

Например, послелог от основы *keski-* могут разрывать квазирелятивы (1), в случае с существительными это невозможно (2):

³ Квазирелятивы — местоименные серии на основе безвершинных относительных придаточных (*что хочешь, куда попало, кто угодно*) [Тестелец, Былина 2005].

⁴ В предложениях типа *Он гуляет в окрестностях дома, они [окрестности] темные.*

- (1) *Pane minkä-n keski-l taho-t.*
 ставить.IMP что-GEN середина-ALL хотеть-2SG
 ‘Поставь посредине чего угодно’.
- (2a) *Šua-t ot-ta kenen taho-t tuop’i.*
 мочь-2SG братъ-INF кто.GEN хотеть-2SG кружка
- (2b) **Šua-t ot-ta kenen tuop’i taho-t.*
 мочь-2SG братъ-INF кто.GEN кружка хотеть-2SG
 ‘Можешь взять чью хочешь кружку’.

Рассмотренные единицы располагаются на шкале «существительное → адлог» в порядке: *väl’-*, *keski-/ümpär’i-*, *al-*. Однако те же самые единицы в препозиции имеют меньше общих черт с существительными (например, *ümpär’i-* не имеет серии, а *väl’-* хуже присоединяет согласованное зависимое). В докладе предполагается представить результаты исследования этих и других подобных единиц на основе разработанных критериев.

Список условных сокращений

AD — адессив; ALL — аллатив; GEN — генетив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; N — имя; POSTP — послелог; SG — единственное число.

Литература

- Дрофа 2015 — А. Дрофа. Мокшанский язык: послелогии или реляционные имена? Материалы доклада на II воркшопе по бесермяноведению и мордвинистике. М., 2015.
- Майтинская 1982 — К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Тестелец, Былинина 2005 — Я. Г. Тестелец, Е. Г. Былинина. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. ИППИ РАН. Семинар «Теоретическая семантика». М., 2005.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria // SKY Journal of Linguistics 28, 2015. P. 103–137.

- ISK 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinen, I. Alho. Iso suomen kielioppi. Helsinki, Suomen kirjallisuuden seura, 2004 (<http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>).
- Ojutkangas 2000 — K. Ojutkangas. Grammatical possessive constructions in Finnic: Käsi ‘hand’ in Estonian and Finnish // J. Laakso (ed.). Castrenianumin toimitteita. No. 59. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 2000. P. 137–155.

И. В. Саркисов
НИУ ВШЭ, Москва

ЭРГАТИВНОСТЬ В НОВОАРАМЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящее исследование посвящено проблеме эргативности в новоарамейских языках (северо-западные семитские языки), исторически распространенных в странах Ближнего Востока, а в настоящее время также в странах СНГ (в том числе в России), Европы и Америки [Лявданский 2009: 661].

Новоарамейским языкам, как и прочим семитским, свойственен номинативно-аккузативный строй. Однако в прошедшем времени (претерите) имеет место эргативное маркирование. Аналогичное явление наблюдается в курдских языках, что дает основания рассматривать его как ареальную черту [Mengozzi 2005: 243]. Поскольку падежи в арамейских языках отсутствуют, эргативность проявляется в глагольном согласовании (indexing), являющемся основным способом кодирования ролей глагольных актантаов. В аккузативных конструкциях субъект согласуется с глаголом с помощью абсолютивных или т. н. А-суффиксов, а объект — с помощью косвенных L-суффиксов, этимологически представляющих собой сочетание дативного предлога *l-*, вводящего косвенного участника, и лично-числового показателя. При эргативном же маркировании эти показатели в семантическом отношении меняются местами: субъект маркируется косвенным, а объект — абсолютивным суффиксом [Doron, Khan 2011].

Несмотря на то что термин «эргативность» прочно укоренился в арамеистике, в ходе анализа новоарамейских диалектов (в первую очередь урмийского) мы пришли к выводу, что с типологической точки зрения такое употребление не вполне корректно. Дело в том, что маркирование субъекта с помощью L-суффиксов в большинстве новоарамейских языков (в отличие от курдских) затрагивает не только переходные, но и непереходные конструкции. В некоторых диалектах (например, в христианском урмийском и

барваре) это касается всех непереходных глаголов, что дает основания рассматривать подобную стратегию не как эргативную, а как номинативно-аккузативную с измененным значением согласовательных показателей. В других идиомах (например, в иудейском санандадже) «эргативное» согласование затрагивает лишь определенные группы непереходных глаголов, по преимуществу агентивные (в первую очередь глаголы движения) [Doron, Khan 2011: 7–11]. Вопреки устоявшемуся мнению, подобная стратегия не является эргативной, а сближается с активной (или «дуальной») [Климов 1972]. Особого внимания заслуживает тот факт, что, как было установлено в ходе нашего исследования, в урмийском диалекте предложное оформление актантов остается строго номинативно-аккузативным: дативный и аллативный предлоги, которые в соответствии с правилами дифференцированного маркирования часто используются для оформления объекта [Coghill 2012], никогда не могут маркировать субъект в эргативных конструкциях. Аналогичное явление наблюдается практически во всех новоарамейских языках (исключением являются лишь некоторые диалекты туройо) [Coghill 2016: 230]. Это также сближает их с активными языками, где синтаксис обычно остается номинативно-аккузативным. Таким образом, более глубокий типологический анализ вынуждает реинтерпретировать «эргативность» большинства новоарамейских диалектов как достаточно выдержанный активный строй, что является редким исключением как для родственных, так и для контактных языков.

Литература

- Климов 1972 — Г. А. Климов. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания 4, 1972. С. 3–13.
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северо-западносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Coghill 2012 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // Linguistics 52(2), 2012. P. 335–364.
- Coghill 2016 — E. Coghill. The Rise and Fall of Ergativity in Aramaic. Oxford: Oxford University Press, 2016.

- Doron, Khan 2011 — E. Doron, G. Khan. PCC and ergative case: evidence from Neo-Aramaic. The Hebrew University of Jerusalem, University of Cambridge, 2011.
- Mengozi 2005 — A. Mengozzi. Neo-Aramaic and the so-called ‘decay of ergativity’ in Kurdish // Proceedings of the 10th Meeting of Hamito-Semitic (Afroasiatic) Linguistics (Florence, 18–20 April 2001), Dipartimento di Linguistica universita di Firenze, 2005. P. 239–256.

М. А. Сидорова

МГУ, Москва

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОРНОМАРИЙСКИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

Объектом исследования являются ИГ с квантификаторами различных типов: количественными числительными, кванторами существования² и универсальными кванторами³. В фокусе исследования находится числовое маркирование существительного в таких конструкциях в горномарийском языке. В качестве фона привлекается материал других финно-угорских языков (мокшанский, хантыйский).

Материал получен с помощью элицитации в ходе лингвистической экспедиции в с. Кузнецово Горномарийского р-на Респ. Марий Эл в 2016 г.

В горномарийском языке выбор числа в количественных конструкциях (КК) регулируется особым набором правил, отличным от правил выбора числа вне КК⁴. В [Шматова, Черниговская 2012] на материале лугового марийского⁵ отмечается, что в конструкциях с количественными числительными всегда используется стратегия, при которой обязательным является единственное число (SG)

¹ Исследование поддержано грантом РФНФ № 16-04-18037е.

² Т. е. выражающими экзистенциальную квантификацию, ср. [Падучева 2016: 22; Шматова, Черниговская 2012].

³ Главным образом *cilä* ‘весь, все’ и КС *šukā* ‘многие’, *kādā* (*tidä*) ‘некоторые’. УКС с обязательной дистрибутивной интерпретацией (см. [Татевосов 2002: 69–76, 78]) типа *každāj* ‘каждый’ не рассматриваются, т. к. они ассоциированы с единственным числом.

⁴ В исследовании учитывались только те группы существительных, для которых вне количественной конструкции числовое маркирование обязательно.

⁵ Для горномарийского данная проблематика ранее подробно не рассматривалась.

существительного (подробнее о стратегиях числового маркирования в КК в языках мира см. [Corbett 2004]), а случаи маркирования показателем множественного числа (PL) признаются русским влиянием. Также отмечается, что кванторные слова ведут себя различным образом: универсальные кванторы не накладывают ограничений на выбор числовой формы, тогда как кванторы существования могут выбирать SG или PL.

По нашим данным, количественные числительные действительно предпочитают форму SG существительного, однако случаи маркирования PL вовсе не сводятся к «русскому влиянию», а обусловлены системными внутриязыковыми причинами. Кроме того, числовое маркирование в конструкциях с универсальными кванторами и кванторами существования также не случайно, а регулируется во многом теми же факторами, что и в КК с числительными, хотя между КК с различными типами кванторов существуют отдельные отличия.

1. Зависимые

Во-первых, существительное свободнее присоединяет показатель PL в тех случаях, когда у него есть зависимые, «отрывающие» его от числительного. Чем больше таких зависимых, тем выше степень допустимости показателя. Однако данный фактор в различной степени влияет на КК с разными типами квантификаторов.

Таблица 1. Вероятность PL маркирования существительного в номинативе

Тип квантификатора	Нет зависимых	1 зависимое	2+ зависимых
Числительное	SG/*PL	SG/ ^{??} PL	SG/ [?] PL
Квантор существования	SG/ ^{??} PL	SG/ [?] PL	SG/ ^{OK} PL
Универсальный квантор	SG/ [?] PL	SG/ ^{OK} PL	SG/PL

В качестве одного из возможных факторов проверялся тип зависимых (прилагательные, именные зависимые). Запретов на ту или иную форму при разных типах зависимых не обнаружилось, однако они демонстрируют различное поведение в КК в отноше-

нии способности занимать различные позиции в структуре ИГ (ср. ^{OK} *paškudä cilä t'et'äblä* ‘все соседские дети’, **iz'i cilä t'et'äblä* ‘все маленькие дети’).

Наличие зависимых является значимым фактором не только в горномарийском: в мокшанском языке существительное в КК с числительными в этом случае также охотнее приобретает показатель числа (см. [Шматова 2013]). Кроме того, в хантыйском языке при аналогичных обстоятельствах в конструкциях с *kät* ‘два’ наблюдается тенденция к маркированию существительного показателем двойственного числа, ср. (4) (подробнее см. [Шматова 2010; Сидорова 2016]).

2. Синтаксическая позиция

Вторым влияющим фактором является синтаксическая позиция. По имеющимся данным, в КК и с числительными, и с кванторами PL более допустимо при косвенном падежном оформлении, и еще в большей степени — в послеложной конструкции, ср. (1)–(3). Эта тенденция, во-первых, противоречит типологическому обобщению, согласно которому наибольшее разнообразие в выборе числового показателя ожидается в позиции субъекта по сравнению с позицией объекта и в прямых падежах по сравнению с косвенными [Corbett 2004: 274]. Во-вторых, она является противоположностью той, которая наблюдается для числового маркирования вне КК, где в позиции косвенного дополнения PL выбирается менее обязательно, чем в других синтаксических позициях.

- (1) *stöl vālnä vāc kruška / *kruška-blä šänz-ä*
 стол на пять чашка чашка-PL сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоит пять чашек’.
- (2) *tī ölic'ä-štä män' näl' toma-m / *toma-blä-m*
 этот улица-IN я четыре дом-ACC дом-PL-ACC
už-äm
 видеть-NARR.1SG
 ‘На этой улице я увидел четыре дома’.

- (3) *mān'-ān tāng-em-βlā nāl' toma-štā /^{OK}toma-βlā-štā*
я-GEN друг-1 SG-PL четыре дом-IN дом-PL-IN
äl'-ät
жить-NPST.3PL
'Мои друзья живут в четырех домах'.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; LAT — латив; NARR — нарратив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Падучева 2016 — Е. В. Падучева. Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении // Вопросы языкознания 3, 2016. С. 22–36.
- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке. Тезисы доклада на конференции GeNSLing, 2016.
- Татовосов 2002 — С. Г. Татовосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Шматова 2010 — М. С. Шматова. Конструкции «числительное + существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 3, 2010. С. 181.
- Шматова 2013 — М. С. Шматова. Количественные конструкции в мордовских языках: числовое маркирование существительных // Тезисы доклада на конференции «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, 16–18 октября 2013 г.
- Шматова, Черниговская 2012 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 221–247.
- Corbett 2004 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Г. Е. Сим

ИЯз РАН, Москва

СТРУКТУРА УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

Настоящая работа посвящена рассмотрению синтаксических свойств бурятских условных конструкций (УК), в частности, правил, определяющих (не)корелативность субъектов главной и зависимой клауз, и тому, какие выводы из этого можно сделать о месте присоединения зависимой клаузы в структуре главной. Материалы получены методом элицитации в ходе полевой работы летом 2015–2016 гг. в с. Барагхан Баргузинского р-на Респ. Бурятия.

В баргузинском диалекте бурятского языка представлены следующие типы оформления УК:

1) при помощи условных частиц в зависимой клаузе:

- *хада* (наиболее нейтральная и употребительная форма; это, в частности, отличает баргузинский диалект от литературного бурятского, см., например, [Даржаева 2001]);
- *һаа* (порождается реже и характеризуется большинством носителей как литературная);
- *бол(о)бол* (исторически это условный конверб от глагола *болохо* ‘стать’, однако формы с *бол(о)бол* не могут анализироваться как аналитические со вспомогательным глаголом, т. к. в отличие от вспомогательных глаголов, *бол(о)бол* может сочетаться со строго финитными формами);

2) при помощи условного конверба на *-бал* в зависимой клаузе.

Частица *хада* может присоединять посессивный или рефлексивный показатели, *һаа*, *бол(о)бол* и форма на *-бал* — посессивные показатели, но не рефлексивный показатель.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 16-04-18037 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков».

Различаются две системы падежного оформления подлежащего протазиса:

- у носителей старшего поколения дефолтным способом оформления субъекта является генитив/коннектив (анализируется преимущественно эта система);
- у молодых носителей по умолчанию субъект не оформлен, эта система является результатом упрощения первой.

Правила, определяющие кореферентность субъектов клауз, не зависят от семантического типа УК.

По общему правилу, для оформления моносубъектности используется показатель рефлексива (только на частице *хада*), при разносубъектности — показатель посессива (на всех условных частицах и показателе деепричастия).

Если подлежащие обеих клауз лексически выражены, оформление подлежащего протазиса номинативом нежелательно:

- (1) **Саяна ер-ээ хаа, тэрэ баярла-ха*
 Саяна прийти-PRT1 ABL тот радоваться-POF
 Ожид.: ‘Если Саяна_i придет, она_i обрадуется/Если Саяна_i придет, она_j обрадуется (i ≠ j)’.

Если подлежащее главной клаузы не выражено лексически, кореферентность субъектов клауз зависит от падежного оформления субъекта зависимой клаузы:

- (2) (*һэрбээ*) *Саяна ер-ээ хаа, баяр-тай*
 если Саяна прийти-PRT1 ABL радость-COM
бай-ха
 быть-POF
 ‘Если Саяна_i придет, она_i будет рада’.
 *‘Если Саяна_i придет, она_j другой будет рад (i ≠ j)’.
- (3) (*һэрбээ*) *Саян-ын ер-ээ хаа, баяр-тай*
 если Саяна-GEN прийти-PRT1 ABL радость-COM
бай-ха
 быть-POF
 *‘Если Саяна_i придет, она_i будет рада’.
 ‘Если Саяна_i придет, она_j другой будет рад (i ≠ j)’.

Гипотеза состоит в том, что разным стратегиям падежного оформления соответствуют различные структуры УК (например, возможное объяснение ограничения в (2)–(3) — эллипсис, который имеет место в (2)).

В докладе предполагается подробнее рассмотреть результаты тестов на внутреннюю структуру клауз и место адъюнкции, описываемых в [Bhatt, Pancheva 2006].

Список условных сокращений

УК — условные конструкции; AVL — аблатив (в рабочем порядке используется для глоссирования частицы, традиционно рассматриваемой как бывшая падежная форма причастия); COM — комитатив; GEN — генитив; POT — будущее время; PRT1 — первое прошедшее время.

Литература

- Даржаева 2001 — Н. Б. Даржаева. Полипредикативные конструкции бурятского языка с подчинительной связью. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
- Bhatt, Pancheva 2006 — R. Bhatt, R. Pancheva. Conditionals // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 2006. P. 638–687.

И. А. Стенин, Д. О. Жорник

НИУ ВШЭ, МГУ, Москва

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД МОКШАНСКИМ ПАССИВОМ

В мокшанском языке¹ глаголы, маркированные показателем *-əv/-u-*, употребляются, в частности, в пассивных, имперсональных и декаузативных конструкциях. В продвигающем пассиве исходное подлежащее оформляется именной группой в дативе (1).

- (1) *t'ε soda-v-s'-∅ s'embə-n'd'i*
этот знать-PASS-PST.3-SG весь-DAT
'Это было всем известно'.

Однако пассивные дериваты отмечаются также в ряде (номинативно)-номинативных конструкций, в которых исходное подлежащее сохраняет номинативное маркирование(!) и контролирует глагольное согласование. В (2) представлено сатуративное употребление, на котором мы не будем останавливаться, поскольку оно имеет четко очерченную семантику, понятные ограничения и однозначное воздействие на акциональную характеристику предиката. В центре нашего внимания находится другая (номинативно)-номинативная конструкция — условно назовем ее аквизитивной (3).

- (2) *mon udə-v-ən'*
я спать-PASS-PST.1SG
'Я выспался'.
- (3) *mon para-v-ən'*
я брить(ся)-PASS-PST.1SG
а. 'Я закончил бриться'.

¹ Данные центрального диалекта мокшанского языка собраны в с. Лесное Цибаево, с. Лесное Ардашево и д. Лесные Сиялы. Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

- b. ‘Я наконец-то побрился’.
 c. ‘Я смог побриться’.

Как можно видеть в (3), в нулевом контексте многие глаголы в данной конструкции получают несколько различных прочтений, при этом интерпретация ‘закончить P’ естественным образом возможна только для предельных процессов, интерпретация ‘смочь P’ — прежде всего для агентивных контролируемых, интерпретация ‘наконец P’ — для любых. При этом вообще в данной конструкции допустимы как предельные, так и непредельные предикаты, как контролируемые, так и неконтролируемые, в том числе с неодоушевленным подлежащим (4).

- (4) *mus'kəp-n'ə* *еле* *kos'k-əv-s'-t'*
 белье-DEF.PL сохнуть-PASS-PST.3-PL
 ‘Белье еле высохло’.

Акquisитивная конструкция образуется и от ряда переходных глаголов, однако в ней допустимо лишь неформленное прямое дополнение² (в номинативе неопределенного склонения). В (5), таким образом, перед нами переходная активная клауза с пассивным глаголом, что выглядит весьма нетривиально в свете того, что известно о функциях и диахроническом развитии пассивных показателей [Shibatani 1985; Haspelmath 1990].

- (5) *mon* *liv-əv-ən'* *kn'iga* / **kn'iga-t'*
 я читать-PASS-PST.1SG книга книга-DEF.SG.GEN
 ‘Я смог почитать книгу’.

Заметим, что пассивные дериваты в мокшанском языке регулярно имеют модальный оттенок и в пассивной конструкции, если выполняются следующие условия: 1) поверхностно выражено агентивное дополнение; 2) пассив образован не от стативного предиката. При этом наблюдаются прочтения ‘смочь P’/‘X-у удалось P’ (в утвердительном контексте в прошедшем времени также ‘нако-

² Второй участник может быть также выражен группой послелога *esə* ‘в.IN’, однако в этом случае конструкция непереходна.

нец Р'). Соответствующие импликации сохраняются под отрицанием и другими операторами, в частности, в условных предложениях.

На наш взгляд, для анализа как пассива с выраженным агенсом, так и аккзитивной конструкции релевантно понятие ожидания, а различия в их семантике (о которых мы по соображениям ограниченности объема не распространяемся) объясняются структурными различиями. Многообразие поверхностных конструкций, в которых фиксируются пассивные дериваты, связано с базовыми употреблениями мокшанского пассива различным образом: если безличный пассив представляет собой чисто конструкционное расширение пассивных употреблений на непереходные предикаты, то аккзитивная конструкция «наследует» от пассивной модальный характер.

Примечательно, что во многих языках, имеющих модальный пассив, в частности в индо-арийских, модальность возможности проявляется прежде всего в неверидиктальных контекстах (см., например, [Hook 1979] о хинди). В мокшанском языке модальные употребления пассива, как правило, не требуют такой контекстной поддержки. Таким образом, мокшанские данные представляют несомненный интерес также для типологии модального пассива.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DEF — определенное склонение; GEN — генитив, PASS — пассив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Haspelmath 1990 — M. Haspelmath. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language* 14(1), 1990. P. 25–72.
- Hook 1979 — P. E. Hook. *Hindi Structures: Intermediate Level*. Ann Arbor: University of Michigan, 1979.
- Shibatani 1985 — M. Shibatani. Passives and related constructions: a prototype analysis // *Language* 61(4), 1985. P. 821–848.

Н. М. Стойнова

ИРЯ, Москва

КОНТРОЛЬ РЕФЛЕКСИВА В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПЕРЕСТРОЙКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?

В докладе будут рассмотрены данные по использованию рефлексивных показателей в полипредикативных конструкциях нанайского языка (тунгусо-маньчжурские). Они интересны как пример происходящего на глазах изменения синтаксической системы.

В нанайском языке представлено два вида рефлексивов: 1) рефлексивные местоимения ('себя') и 2) посессивные рефлексивные аффиксы ('свой'). И субстантивный рефлексив, и посессивный могут выступать изолированно и в сочетании с интенсификатором (*məpə* 'сам') (тем самым противопоставляются легкие и тяжелые рефлексивы).

В независимой клаузе рефлексив, как и ожидается, кореферентен ее субъекту (1). В зависимой клаузе правила контроля рефлексива сложнее. Он может быть кореферентен субъекту самой этой клаузы или субъекту клаузы, от которой она зависит, ср. (2) и (3).

- (1) *tuj ta-pi atem-bi*
так делать-CVB.COND.SG отец-P.REFL.SG
xažom-ba-ni baa-go-xa
имущество-ACC-3SG находить-REP-PST
'А потом нашел вещи своего отца'. (Тексты 2012)
- (2) *mə:pi səkpən-ži-du-ə-ni*
REFL.ACC.SG кусать-PRS-DAT-OBL-3SG
goja-do-a-ni žara-ra:
клык-DAT-OBL-3SG брать-CVB.NSIM
sore-mi dəru:-xə-ni
ссориться-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG
'Когда кабан_i пытался укусить его_i, он_i взял за клыки и стал драться'. [Аврурин 1985, текст 38]

- (3) *mapa daljam-bi ičə-č'i-j-du-ni sole*
 медведь мешок-P.REFL.SG видеть-IPFV-PRS-DAT-3SG лиса
šoča-xa
 убегать-PST
 'Пока медведь_i искал свой_i мешок, лиса, сбежала'.

В докладе будут обсуждаться разносубъектные конструкции с разными типами нефинитных зависимых (сентенциальные актанты, относительные, временные и причинные, целевые и условные клаузы).

В грамматике [Аврорин 1959: 257–258] кратко формулируется правило, в соответствии с которым: а) легкий рефлексив в нефинитных зависимых контролируется подлежащим главной клаузы; б) тяжелый — подлежащим зависимой клаузы (оговаривается, впрочем, возможность отступлений от этого правила — предположительно, под влиянием русского языка).

Современные данные обнаруживают картину, заметно отличающуюся от описанной В. А. Аврориным. 1) Как тяжелый, так и легкий рефлексив контролируются подлежащим зависимой клаузы. Кореферентность подлежащему главной клаузы выражается анафорическими местоимениями и аффиксами. 2) Единственный фрагмент системы, в котором возможен (и предпочтителен) контроль рефлексива подлежащим главной клаузы, — это посессивный рефлексивный аффикс на подлежащем зависимой клаузы, см. (4).

- (4) *Mapa təj gujsə-du tətə-ji*
 старик тот сундук-DAT одежда-P.REFL.SG
bi-i-wə-ni osese-i-ni
 быть-PRS-ACC-3SG не.хотеть-PRS-3SG
 'Старик_i не хочет, чтобы его_i одежда лежала в сундуке'.

Наблюдаются, впрочем, рудименты прежней системы и свидетельства нестабильности новой. Так, 1) при элицитации информанты расходятся в оценках предложений с контролем рефлексива субъектом главной клаузы — от полного отрицания и/или непонимания таких конструкций до одобрения для некоторых типов клауз. Предположительно, их приемлемость коррелирует с синтаксическим типом зависимой клаузы. 2) Некоторые информанты

запрещают употребление легкого рефлексива в зависимой клаузе с какой бы то ни было интерпретацией.

Стабильность употребления рефлексива, контролируемого главной клаузой, при субъекте зависимой можно объяснять тем фактом, что это единственный контекст, для которого не возникает конкуренции между потенциальными контролерами рефлексива (сам субъект зависимой клаузы контролировать его не может).

Можно думать, что наблюдаемый сдвиг (как и предполагал В. А. Аврорин, наблюдая начальную его фазу) обусловлен влиянием русского языка, в котором данные семантические типы зависимых клауз не допускают контроля рефлексива субъектом главной клаузы (*pattern-borrowing* по [Sakel 2007]). Возможно, процесс ускоряется за счет того, что нанайский язык, на момент его документации В. А. Аврориным являвшийся для носителей основным или единственным, сейчас используется очень ограниченно.

При этом наблюдаемый сдвиг можно рассматривать и с внутрисистемной точки зрения — в контексте того, что в нанайском языке размывается граница между финитными и нефинитными формами (большинство финитных форм восходят к нефинитным, тем же, что используются, оформляясь падежными аффиксами, в зависимой клаузе). Вследствие этого вершина зависимой клаузы может реинтерпретироваться как более «полноценный» предикат, а субъект выражаемой им ситуации — как более «полноценное» подлежащее (от структуры типа *в его приходе* с посессором при отглагольном имени к структуре типа *он пришел-когда* с подлежащим при глаголе).

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; COND — условие; CVB — деепричастие; DAT — датив; IPFV — имперфектив; NSIM — неодновременность; OBL — косвенный падеж; P — посессивный показатель; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М. — Л.: Наука, 1959.
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Sakel 2007 — J. Sakel. Types of loan. Matter and pattern // J. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical Borrowing in Cross-linguistic Perspective. Berlin — New York: Mouton de Gruyter. P. 15–29.

Е. А. Сударикова
НИУ ВШЭ, Москва

ПОСЕССИВНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ -IN(E)/-EN(A) И -KIN(E)/-KEN(A)

1. Атрибутивный посессивный маркер

Атрибутивный посессивный маркер *-in(e)/-en(a)* в чукотском языке обозначает типичные для этой категории отношения обладания, родства и части-целого. При этом суффикс присоединяется к посессору (1а), а согласование по числу с обладаемым не обязательно происходит (1б, в):

- (1а) *ninqej-in* *qepəł*
мальчик-POSS мяч.3SG.ABS
'мяч мальчика'
- (1б) *ninqej-in* *qepłə-t*
мальчик-POSS мяч-3PL.ABS
- (1в) *ninqej-ine-t* *qepłə-t*
мальчик-POSS-3PL.ABS мяч-3PL.ABS
'мячи мальчика'

Если посессор является человеком, его множественность можно выразить при помощи суффикса *-ry-*:

- (2) *ɲinqej-e* *ɲeekkeqej-ry-in* *piri-ni-n*
мальчик-INSTR девочка-3PL-POSS брать-3SG.A.3O-3SG.O
kojɲə-n
чашка-3SG.ABS
'Мальчик взял у девочек чашку'.

Явления, проиллюстрированные в (1)–(2), достаточно полно описаны в существующих грамматических очерках (например, [Dunn 1999]) и в работе [Kortjevskaja-Tamm 1995]. Однако на ос-

нове нового материала, собранного в ходе экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛа МГУ в с. Амгуэма (Иультинский р-н, Чукотский АО) летом 2016 г., можно сделать вывод, что одушевленные имена (обозначающие животных) также способны присоединять суффикс *-ry-*, выражая множественность посессора (3а), тем не менее, это возможно не всегда (3б):

(3а) *ʔəttʔə-qaj-ry-en* *nə-teŋ-qin*
 собака-DIM-3PL-POSS STAT-хороший-STAT.3SG
etə-n
 хозяин-3SG.ABS
 ‘У собак добрый хозяин’.

(3б) **wəʔwə-ry-en* *riʔ-ti*
 ворон-3PL-POSS крыло-3PL.ABS
nə-mejəŋ-qin
 STAT-большой-STAT.3SG
 Ожид.: ‘У воронов большие крылья’.

Оказывается, что способность одушевленного имени присоединять этот суффикс зависит от положения на иерархии одушевленности, в которой можно выделить следующие ступени, первые две из которых способны присоединять *-ry-*, а третья — нет:

- люди;
- более значимые для человека животные (собаки)/животные, подвергающиеся «одушевлению» (антропоморфизации), например, в сказках;
- остальные сущности.

Похожая иерархия одушевленности описана в работе [Kurebito 2004] для корякского языка.

2. Относительный суффикс

Относительный суффикс *-kin(e)/-ken(a)* обычно присоединяется к основам неодушевленных имен существительных, а также к глагольным основам и наречиям, обозначая источник/место, отношение часть-целое, предназначение.

Интересно, что с некоторыми временными наречиями возможно образовать относительные конструкции (*iʔət* ‘сегодня’,

eryatək ‘завтра’ и др.), а с другими это удается сложнее или невозможно совсем (*qonpə* ‘всегда’, *ʔotsoj* ‘долго’ и др.).

Показатель относительности все-таки может присоединяться к именам, обозначающим людей, хотя эти примеры приходится считать маргинальными (4)–(5):

- (4) ^ʔ*ətʔa-ken ekke-t*
 мать-REL сын-3PL.ABS
 ‘материнские сыновья’
- (5) ^ʔ*qlawət-ken mənʔə-t*
 мужчина-REL рука-3PL.ABS
 ‘мужские руки’

Подобное разграничение также вписывается в описанную выше иерархию одушевленности, дополненную неодушевленными именами, наречиями, глагольными основами. Чем выше основа находится на иерархии, тем более вероятно присоединение к ней посессивного маркера и менее вероятно присоединение относительного.

Любопытно, что существительные, к которым можно присоединить показатель относительности, дальше способны к предикативизации (присоединению лично-числовых показателей), в то время как для посессивного показателя такой однозначный вывод на основе имеющихся данных сделать нельзя. Это дает основание предполагать, что посессивная и относительная конструкции в чукотском отличаются не только тем, к каким основам они присоединяются, но и способностью к предикативизации.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; А — агенс (активный участник при переходном глаголе); ABS — абсолютив; DIM — диминутив; INSTR — инструменталис; O — пациенс (пассивный участник при переходном глаголе); PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; REL — относительный показатель; SG — единственное число; STAT — стативный предикат.

Литература

- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD Thesis, Canberra: Australian National University, 1999.
- Коптјевскaja-Тамм 1995 — M. Коптјевскaja-Тамм. Possessive and Relational Forms in Chukchi, Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 301–324.
- Куребито 2004 — M. Куребито. ‘Possessive’ and ‘relational’ in Koryak viewed from the animacy hierarchy // O. Miyaoka, F. Endo (eds.). Languages of the North Pacific Rim. Vol. 9. Osaka: Osaka Gakuin University, 2004.

Д. Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

**ПОРЯДОК СЛОВ *ОЧЕНЬ* В ПЛАЧЕВНОМ СОСТОЯНИИ:
«ВНЕШНЯЯ» И «ВНУТРЕННЯЯ»
АДВЕРБИАЛЬНАЯ МОДИФИКАЦИЯ В РУССКИХ
ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУППАХ ТИПА PREP + ADJ + N**

1. Постановка проблемы

В русском языке предложная группа (ПГ), содержащая модифицирующее вершину прилагательное, может в свою очередь модифицироваться наречием, семантически связанным с этим прилагательным:

- (1) *Пил дня три, пропил все деньги, потом и велосипед тоже, и вернулся пешком весьма в истощенном состоянии.*
(НКРЯ¹)

Этим наши случаи отличаются от семантической модификации всей ПГ, как в *прямо под ногами* или *сразу после завтрака*.

Будем называть *внутренней* (относительно всей ПГ; ИМ) модификацию прилагательного, а *внешней* (ЕМ) — модификацию ПГ в целом. Семантическая проблема ЕМ состоит в том, что наречия (в простейшем случае) семантически являются модификаторами предикатов и потому требуют аргумента с предикатным значением в синтаксисе, однако в поверхностной структуре получают в качестве аргумента целую ПГ.

2. Роль синтаксической функции

Одним из факторов, влияющих на возможность ЕМ, является синтаксический статус ПГ; в случае ПГ-аргумента ЕМ затруднена или невозможна:

¹ Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru.

- (2) **Иван женился очень на красивой девушке.*
(3) ?? *Однажды очень в поздний час Иван читал книгу.*

Встречаются, однако, и исключения:

- (4) *Было время, меня судьба столкнула **очень с интересным человеком...*** (Google)
(5) *Пчел по Калужской провинции мало и **очень у редкого мужика оных найдешь.*** (НКРЯ)

3. Лексические особенности наречий

Наречные модификаторы можно классифицировать в зависимости от того, насколько часто (и, возможно, под действием каких факторов) они допускают ЕМ. Так, *почти* и *практически* предпочитают ЕМ (*у почти каждого* — 1 вхождение в НКРЯ, *почти у каждого* — 127 вхождений), когда адъективный модификатор имеет значение количества или доли: *практически у каждого выпускника*, *почти в натуральную величину* и др. *Очень* почти всегда занимает внешнюю позицию, если компонентом предлога является субстантивированное *многое* или *многие*: *очень во многом*, *очень у многих*. В целом *весьма*, *довольно*, *очень* как внешние модификаторы характерны скорее для языка XVIII и XIX вв.

4. Поведение идиом

Особый случай представляют идиоматизированные ПГ. В таких ситуациях наречие, по-видимому, модифицирует всю ПГ и семантически, что подтверждается возможностью модификации ПГ, в которой место Adj занимает кванторное слово (7) или притяжательное местоимение (8).

- (6) ... *который принял у меня и вздохнул **весьма от чистого сердца.*** (НКРЯ, XVIII в.)

- (7) [?]*Просить совета необходимо довольно от всей души и с настоящим энтузиазмом.* (Google)
- (8) *Алеша Димитриевич исполнял песню для русскоязычной публики в Париже и очень на свой манер, внося интригу в образ милого.* (Google) (Ср. *на очень свой манер)

5. Параллели

Сходное явление представлено случаями, когда семантически модифицируется количественно-именное сочетание в составе ПГ, но синтаксически модификатор примыкает к ПГ в целом [Всеволодова 2010: 20]:

- (9а) *гости не менее чем из десяти стран*
- (9б) *играл более чем в сорока фильмах*

6. Предположительные объяснения

Можно считать, что ЕМ возможна тогда, когда ПГ имеет семантический тип, позволяющий ей быть аргументом наречия; возможно, для этого предлог должен быть семантически пуст, что объясняет затруднительность ЕМ для ПГ-аргументов, где предлог участвует в спецификации семантической роли ИГ. С другой стороны, случаи типа (4)–(5) все же возможны. Для них можно допустить «синтаксическую реконструкцию» [Barss 2001] наречия в позиции модификатора прилагательного:

- (10) *очень_i [с [[_i интересным] человеком]]*
→ *[с [[очень интересным] человеком]]*

Нечто подобное требуется и для (9а, б). Причиной же выбора ЕМ там, где она возможна, может быть стремление сократить «синтаксическое расстояние» между предлогом и управляемым им существительным.

Литература

- Всеволодова 2010 — М. В. Всеволодова. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания 4, 2010. С. 3–26.
- Barss 2001 — A. Barss. Syntactic reconstruction effects // The Handbook of Contemporary Syntactic Theory. Oxford: Blackwell, 2001. P. 670–696.

М. Н. Усачёва

МГУ, Москва

АТТРИБУТИВЫ НА -О В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ

В бесермянском удмуртском, как и во многих финно-угорских языках, очень мало производных прилагательных. При этом в бесермянском есть высоко продуктивный атрибутивный суффикс *-o*, образующий прилагательные от существительных. В [Тепляшина 1970: 90] он назван «суффиксом обладания», и во многих контекстах эта семантика прослеживается:

- (1) *Lud š'in'-m-o*,
поле глаз-OBL-ATTR
č'ašja pel'-o.
лес ухо-ATTR
'Поле с глазами, лес с ушами'.

Однако слово, оформляемое суффиксом *-o*, может обозначать, например, часть объекта. Слова на *-o* могут употребляться в позициях, характерных для инструменталиса, генитива и конструкции с соположением. Таким образом, показатель теряет семантику, выполняя скорее реляционную функцию. В связи с этим естественно вслед за [Nikolaeva, Spencer 2007] проверить, нет ли в поведении слов на *-o* особенностей, нехарактерных для прилагательных.

Образуемые суффиксом *-o* слова обладают рядом важных свойств прилагательных.

1. Они употребляются в атрибутивной и предикативной позициях; в последней они присоединяют суффикс множественного числа, характерный для прилагательных и предикативов.

2. Они присоединяют посессивные и падежные суффиксы только в контексте субстантивации при эллипсисе вершины (во всех остальных случаях не присоединяют):

- (2) *Gord kšet-o abi-jez š'ot-i-z*
 красный платок-ATTR бабушка-Р.3(SG) дать-PST-3(SG)
č'už kšet-o-ez-lā odig zək kanfet,
 желтый платок-Р.3(SG)-DAT один большой конфета
odig pič'i kanfet.
 один маленький конфета
 'Бабушка в красном платке дала [девочке] в желтом платке
 одну большую конфету и одну маленькую конфету'.

3. Группа, оформленная суффиксом *-o*, может быть приглагольным зависимым («прототипические» прилагательные ведут себя так же):

- (3) *Val namer vakč'i kuk-o bud-e.*
 костяника короткий нога-ATTR расти-PRS.3(SG)
 'Костяника растет на коротком стебле'.

4. Слова на *-o* способны употребляться без зависимого, не будучи маркированы посессивным показателем:

- (4) *Vāli-ja-z pesok-o = no mil'am.*
 сверху-ILL-Р.3(SG) песок-ATTR=ADD мы.GEN1
 'Сверху у нас песчаная почва'.

Прилагательные в некоторых случаях демонстрируют такое же поведение:

- (5) *Ben, ben, č'už.*
 да да желтый
 {Там много желтых цыплят, их нужно положить в разные места.} 'Да, да, желтый'. {Надо в угол положить.}

Однако слова на *-o* также проявляют нехарактерные для прилагательных свойства.

1. Из (2) видно, что *-o* может присоединяться к группе, причем не только вида Adj N, но и вида N N:

- (6) *So Daša n'im-o vnuč'ka-je.*
 тот Даша имя-ATTR внучка-Р.1(SG)
 'Это моя внучка Даша'.

2. Суффикс *-o* способен присоединяться к обоим частям парного слова (*mâl kâd* ‘настроение’ → *mâl-o kâd-o uʒanə* ‘с настроением работать’), даже если одна из этих частей не употребляется отдельно, а также к обоим частям именной группы (*mur gor* ‘глубокая яма’ → *mur-o gor-o šâres* ‘ухабистая дорога’). Так ведут себя падежные и посессивные показатели, но не атрибутивы.

3. Суффиксом *-o* оформляются пары антонимичных прилагательных, обозначающих противоположные свойства одного и того же объекта либо объектов из однородного множества:

- (7) *Mil'am reka-m-ê mur-o-lapeg-o.*
 мы.GEN1 река-Р.1-PL глубокий-ATTR-мелкий-ATTR
 ‘У нас река местами глубокая, местами мелкая’.
- (8) *Kiz-o-vekč'i-jo bâdes zabor-ez*
 толстый-ATTR-тонкий-ATTR весь забор-Р.3(SG)
žug-emən medam gine pār-e život.
 бить-RES чтобы.не только войти-PRS.3(SG) скот
 ‘Весь забор сделан из досок разной толщины, чтобы только скотина не вышла’.

Заметим, что в бесермянском есть продуктивная стратегия присоединения суффикса *-o* к числительным для обозначения приблизительного количества, а также к обозначениям цветов для обозначения пониженной интенсивности цвета (*gord-o* ‘красноватый’):

- (9) *kwin' das-o ar-jos*
 три десять-ATTR год-PL
 ‘около тридцати лет’
- (10) *gord-o*
 красный-ATTR
 ‘красноватый’

Числительное при этом может употребляться не только в атрибутивной позиции, но и, например, как зависимое в послеложной группе.

К сожалению, данных о том, связаны ли суффиксы *-o* в (9)–(10) с рассматриваемым в статье суффиксом, у нас пока нет.

Итак, хотя слова, образованные при помощи суффикса -о, демонстрируют отличительные признаки прилагательных, у них есть также несколько других признаков, характерных скорее для падежных и посессивных показателей. Можно заключить, что в бесермянском суффикс -о из атрибутивизатора, обозначающего принадлежность, превращается в именной реляционный показатель.

Литература

- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
Nikolaeva, Spencer 2007 — I. Nikolaeva, A. Spencer. Nouns as Adjectives and Adjectives as Nouns. Paper presented at the International Conference on “Adjectives”, University Lille 3, Villeneuve d’Ascq. 13–15 September, 2007.

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ‘КОМПЛЕТИВ’ И АКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА БАЗЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ¹

1. Цели

Настоящий теоретический этюд преследует две цели. Во-первых, ввести в понятийный аппарат аспектологии понятия «комплетив» (и парный «инкомплетив»), промежуточного между собственно аспектом и акциональностью, и аргументировать необходимость его введения. Во-вторых, продемонстрировать возможность акциональной классификации русской глагольной лексики «полексемно» — т. е. на базе отдельных глаголов совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ), а не видовых пар.

2. Первый тезис

Предлагается выделить в качестве возможного отдельного семантического компонента компонент ‘**комплетив**’: ‘ситуация ДОСТИГАЕТ своего предела² Ср.:

- (1) *Дом **сгорел**; Каждый год у нас в поселке **сгорает** чей-нибудь дом; *Смотри, Ваня дом **сгорает**.*

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-03406 «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)».

² В данном случае я не делаю различия между разными типами естественного предела: конечной сменой состояния (*сгорел*), начальной сменой состояния (*загорелся*) или единственной сменой состояния в мгновенной ситуации (*нашел*).

- (2) *Иван **пришел** домой; Иван **приходит** домой поздно; *Смотри, Иван **приходит** домой (^{OK}Смотри, Иван идет домой).*

Во всех примерах с глаголами, выделенными полужирным, ситуация достигает естественного предела, даже в случае итеративных контекстов. В последних мы имеем дело с рядами повторяющихся, но каждый раз достигающих предела ситуаций. При этом актуально-длительное (т. е. единичное без достижения предела) прочтение для приводимых глаголов невозможно, что показывает, что для них достижение предела (‘комплетив’) является обязательным семантическим компонентом. Из этих примеров также видно, что наличие компонента ‘комплетив’ во многих случаях можно связать с сохранением префикса во вторичном глаголе НСВ (*гореть* → *сгореть* → *сгорать*).

При этом ‘комплетив’ не является частным случаем перфектива. В частности, как можно видеть из примеров, это значение сочетается и с имперфективным «ракурсом» вместе с обязательной итеративной реинтерпретацией ситуации. Также это значение отличается и от собственно акционального значения-ярлыка ‘предельность’ (*гореть, есть яблоко*), потому что ‘комплетив’ предполагает не только наличие потенциального предела у ситуации, но и его обязательное достижение, реализацию. Таким образом, значение ‘комплетив’ оказывается «промежуточным» между собственно акциональностью (предельность-непредельность и др.) и собственно аспектом (перфектив-имперфектив).

Можно, по-видимому, говорить также о появлении компонента ‘комплетив’ в некоторых случаях в результате акциональной композиции. Речь идет о квантованных инкрементальных темах с количественными определителями типа *два яблока, (один) стакан воды*. Огрубляя, можно сказать, что наличие такого определителя добавляет в акциональную семантику предикации компонент ‘комплетив’. Ср. *Смотри, Иван ест два яблока при ^{OK}Иван каждый день ест два яблока.

По-видимому, в некоторых случаях следует также выделять «парный» компонент ‘инкомплетив’: ‘ситуация НЕ достигает своего предела. Ср. Смотри, дом горит, но ^{???}Каждый год в деревне горит (^{OK}сгорает) несколько домов; ^{???}Такое бревно горит (^{OK}сго-

рает) за два часа. Причем это также не разновидность ‘имперфектива’: так, в русском языке его имеет смысл приписывать не только некоторым глаголам НСВ (ср. *гореть, идти*), но и, например, образованным от них делимитативным глаголам СВ (ср. *погореть*).

3. Второй тезис

«Неприступную» русскую глагольную лексику вполне можно подвергнуть акциональной классификации на базе отдельных глаголов. Во всяком случае, с отдельными глаголами СВ и НСВ можно сделать практически все то же, что можно было бы сделать с идеальными видовыми парами (если бы мы знали, как эти самые видовые пары в каждом случае правильно выделять).

В случае глаголов СВ доступны тесты на сочетаемость с обстоятельствами типа *за два часа/вдруг/полностью* и обстоятельствами типа *два часа/долго/некоторое время*.

В случае глаголов НСВ эти же два теста доступны в итеративных контекстах и в контексте настоящего исторического, ср. ^{OK}*Иван обычно пишет письмо за полчаса*; **Свеча обычно горит за полчаса*. Также для глаголов НСВ доступен тест на возможность актуально-длительного употребления.

М. А. Холодилова

ИЛИ РАН — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

НАШЕДШЕГО ПРОСЬБА ПОЗВОНИТЬ: ИЛЛОКУЦИЯ И АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА

В русском языке зависимое при существительном *просьба* может в некоторых случаях маркироваться аккузативом (1).

(1) *Нашедшую просьба вернуть за вознаграждение!* (Яндекс)

Как известно, аккузативное маркирование О-участника при номинализациях типологически широко засвидетельствовано [Кортъевская-Тамм 1993], однако для русского языка не характерно (ср. *приглашение госты! *гостью*). По всей видимости, *просьба* является единственным русским существительным, способным принимать актант в аккузативе.

Наиболее важным вопросом, связанным с данным явлением, представляется следующий: какие свойства позволяют принимать зависимое в аккузативе слову *просьба* в отличие от прочих существительных русского языка, в частности, от деривационно близких *требование*, *приглашение* и др. Представляется, что частичный ответ на этот вопрос может дать изучение ограничений на использование конструкции с самим словом *просьба*: если аккузативное зависимое невозможно в некоторых случаях при этой номинализации, того же естественно ожидать от других существительных.

Обнаружено три основных ограничения на использование конструкции вида *просьба* + аккузатив.

Во-первых, данная конструкция возможна почти исключительно в тех случаях, когда существительное *просьба* используется **перформативно**¹, вводя высказывание со значением просьбы

¹ Здесь я следую [Падучева 2011: 162], рассматривая в качестве обязательного для перформативности денотативное, а не грамматическое первое лицо.

или некоторых близких к ней типов речевых актов. В других конструкциях аккузативные зависимые встречаются значительно более редко, ср. (2) и данные в Таблице 1².

- (2а) *На карточке была высказана просьба **нашедшему** эту бутылку бросить ее снова в море...* (Яндекс)
- (2б) [?]*На карточке была высказана просьба **нашедшего** эту бутылку бросить ее снова в море...*

Таблица 1. Частотность аккузативного маркирования актанта при существительном *просьба* в зависимости от типа контекста

	<i>нашедшего</i>	(к) <i>нашедшему</i>	доля <i>нашедшего</i>
перформативные контексты	64	36	0,6
неперформативный контекст:			
подлежащее при глаголе <i>была</i>	0	7	0,0

Во-вторых, аккузативное маркирование строго ограничено конструкциями с **инфинитивом**. Ср. другие возможные для существительного *просьба* конструкции:

- (3а) ^{??}*Нашедшую* *просьба: верните, пожалуйста...*
- (3б) ^{??}*Нашедшую* *просьба, чтобы...*

В-третьих, при существительном *просьба* в данной конструкции значительно ограничен круг возможных адресатов. Частично данное свойство наследуется от конструкции, в которой *просьба* с зависимым инфинитивом используется в перформативном контексте. Так, например, данная конструкция почти не используется при неформальном общении (4).

- (4) {В разговоре с другом.} [#]*Просьба подождать.*

² Различие статистически значимо, χ^2 , $P < 0,01$.

В то же время ограничения на использование конструкции с аккузативным зависимым являются более строгими, ср. (5а–б). Представляется, что наиболее приемлемые контексты использования рассматриваемой конструкции предполагают **нереферентность** участника, маркируемого аккузативом.

(5) {Спасатель, в громкоговоритель, видя адресата.}

а. *Гражданка в белом плаще! Просьба быть осторожнее!* [Сергей Соловьев. Спасатель, к/ф (1980)] (НКРЯ³, мультимедийный подкорпус)

б. *#Гражданку в белом плаще просьба быть осторожнее.*

Как первое ограничение, так и второе и третье в совокупности в значительной мере позволяют предсказать тот факт, что другие русские номинализации не могут присоединять аккузативных актантов.

Во-первых, *просьба* является, по всей видимости, единственной номинализацией (или, по меньшей мере, единственной номинализацией матричного глагола, что необходимо в силу второго ограничения), способной к перформативному использованию.

Во-вторых, существование контекстов, в которых зависимое при существительном *просьба* неочевидным образом соотносимо с адресатом сообщения (что следует из нереферентности соответствующего участника), по всей видимости, во многом объясняется свойствами глагола *просить* в конструкции с инфинитивом. Как показано в [Минор 2007], аккузативное зависимое при глаголе *просить* проявляет некоторые синтаксические признаки принадлежности зависимой клаузе и семантически может не соответствовать в точности адресату в конструкциях типа *Прошу кого-нибудь зайти*. У других глаголов, образующих номинализации, те же свойства, по всей видимости, отсутствуют, ср. ²*Требую кого-нибудь зайти*.

³ Национальный корпус русского языка, ruscorpora.ru.

Литература

- Минор 2007 — С. А. Минор. Объектный контроль и подъем аргумента в русском языке // Ф. И. Дудчук, Н. В. Ивлиева, А. В. Подобряев (ред.). Структуры и интерпретации. Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М.: МГУ, 2007. С. 104–125.
- Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2011.
- Коптјевскаја 1993 — М. Коптјевскаја-Тамм. Nominalizations. London — New York: Routledge, 1993.

Е. А. Христофорова

РГГУ, Москва

АГЕНТИВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

В этом докладе будет рассказано о семантических классификаторах активной руки в русском жестовом языке (РЖЯ). Семантический классификатор в жестовых языках (ЖЯ) — морфема, относящая своего референта к тому или иному классу (например, классу животных, людей или круглых предметов). Классификаторы являются особой формой руки, которая участвует в образовании с глаголами движения и глаголами локализации. Глагольные конструкции, в составе которых есть классификаторы, отображающие актанта глагола, называются классификаторными предикатами [Zwitserslood 2003]. Изучение классификаторов РЖЯ является приоритетной задачей лингвистики жестовых языков, т. к., несмотря на то что классификаторные конструкции являются крайне частотными в речи носителей РЖЯ, изучены они крайне плохо.

В качестве материалов для исследования был использован корпус видеозаписей пересказов, записанный при участии носителей РЖЯ. Корпус был собран В. И. Киммельманом в 2011 г. и проаннотирован в системе ELAN при участии переводчиков и носителей РЖЯ [Kimmelman 2014; КРЖЯ]. Всего в создании корпуса приняли участие 13 носителей РЖЯ, каждый из которых пересказал четыре небольших отрывка мультфильма «Canary Row».

Для данного исследования корпус также был аннотирован в системе ELAN. Корпус был исследован на наличие семантических классификаторов, для каждого из которых были описаны конфигурация руки при реализации классификатора, референт классификатора, семантическая роль референта, семантический класс референта, а также были обозначены границы клаузы, в которую входит классификатор, и порядок слов в ней. В процессе

обработки и анализа корпуса были выделены 11 семантических классификаторов, четыре из которых могут описывать агентивных референтов; о них и пойдет речь в докладе.

Исследователи классификаторов в других ЖЯ утверждают, что семантические классификаторы используются для отсылки к теме или пациенсу. Однако из наших данных очевидно, что агенс тоже может кодироваться семантическими классификаторами. Каждый из этих классификаторов был исследован на количество агентивных референтов среди общего числа их референтов в корпусе. Для каждого из описываемых классификаторов были выделены и описаны механизмы референции, а также была изучена семантика каждого из четырех классификаторов.

Таблица 1. Семантика агентивных классификаторов

Конфигурация руки ¹	Семантика классификатора	Агентивные референты / общее число референтов классификатора в корпусе
2	Существо с двумя ногами	115/177 (65%)
1	Длинный и тонкий предмет	15/25 (60%)
Fingertip	Точка в пространстве	23/23 (100%)
500	Объемный предмет	0/17(0%)

В Таблице 1 отражены основные данные по исследованию агентивных семантических классификаторов. Все четыре классификатора могут быть использованы для отсылки к агенсу (примеры с агентивным классификатором “500” не встретились в корпусе, но мы считаем, что это также возможно). Однако только в отношении классификатора “2” мы можем быть уверены в том, что описываются именно действия агенса, а не просто перемещение объекта в пространстве. Остальные три классификатора могут быть лишь потенциально агентивными в силу того, что в их се-

¹ Для описания конфигурации руки классификаторов была разработана система нотаций, которая базируется на сходстве конфигурации руки классификатора с жестами чисел и букв дактильной азбуки.

мантику не заложена информация о способности референта контролировать действие. По данным таблицы мы можем выстроить некоторую градацию агентивности данных семантических классификаторов от наиболее предрасположенного к агентивности к наименее предрасположенному.

Источники

КРЖЯ — Корпус русского жестового языка. Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012–2015. (<http://rsl.nstu.ru/>).

Литература

- Kimmelman 2014 — V. Kimmelman. Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. University of Amsterdam, 2014.
- Zwitsersloot 2003 — I. Zwitsersloot. Classifying Hand Configurations in Nederlandse Gebarentaal (Sign Language of the Netherlands). PhD Thesis. Utrecht University. Utrecht: LOT, 2003.

A. García

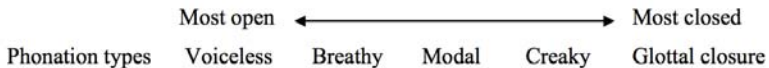
Aarhus University, Aarhus

PHONATION TYPES AND TONE IN ZAPOTEC LANGUAGES: A SYNCHRONIC COMPARISON

Zapotec languages possess an unusually large diversity of phonation contrasts in their vowel systems. Some of these languages present a two-way contrast between modal and non-modal phonation and some others can have up to four contrastive phonation types. Zapotec languages also have contrastive tones, a characteristic family feature of the Otomanguean languages. This study investigates the diversity of vowel phonation types in Zapotec languages and their interaction with tones. A sample of ten languages¹ has been selected in order to represent the different geographical areas in which this subgroup is traditionally divided: Valley, Isthmus, Northern and Southern Zapotec.

Phonation types result from the different manners in which vocal folds vibrate. These different states of the glottis have been represented by Ladefoged [1971] in the form of a phonation continuum, determining the degrees of aperture of the arytenoid cartilages.

Figure 1. Continuum of phonation types

The different degrees of glottal opening are used cross-linguistically to manifest linguistic contrast. Reconstructions of proto-Zapotec [Fernandez de Miranda 1970; Suárez 1973] suggest the presence of two

¹ Valley: Zaachila Zapotec, San Lucas Quiavini Zapotec, Santa Ana del Valle Zapotec, San Pablo Güilá. Isthmus: Juchitán Zapotec. Southern: Santo Domingo de Morelos Zapotec, San Pedro Mixtepec, San Agustín Mixtepec. Northern: Yalálag Zapotec, Betaza Zapotec.

Phonation types and tone in Zapotec languages

types of vowel phonation: glottalized and rearticulated. On the one hand, Northern and Isthmus Zapotec languages have maintained the two non-modal vowels. For instance, Betaza Zapotec [Teodocio Olivares 2009] presents modal [tʃi] ‘cleaning’, glottalized [tʃḭ] ‘voice’ and laryngealized [tʃi̠] ‘ten’ vowels. On the other hand, languages from Southern Zapotec have simplified the contrast reducing it to one type of laryngealized vowels. Furthermore, some Valley Zapotec languages have not only retained the proto-Zapotecan contrast, but they have also developed a new phonation type: breathy voice. Zaachila Zapotec presents four contrastive voices: modal [já] ‘already’, glottalized [já̰] ‘up’, creaky² [já̠] ‘carrizo (plant)’ and breathy [dʒà] ‘noise’. Table 1 illustrates the diversity of phonation type inventories in Zapotec languages.

Table 1. Phonation types in Zapotec languages

PHONATION TYPES	VALLEY			ISTHMUS	SOUTHERN			NORTHERN		
	ZZ	SLQZ	SAVZ	SPGZ	JZ	SDMZ	SPMZ	SAMZ	YZ	BZ
MODAL	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
GLOTTALIZED	*	*	*	*	*			*	*	*
LARYNGEALIZED	*	*		*	*	*	*	*	*	*
BREATHY	*	*	*							

Furthermore, Otomanguean languages are *laryngeally complex*, showing an interaction between phonation types and tone [Silverman 1997]. Tones are produced by modifications of the configuration of the larynx, and therefore it is not surprising to find interaction between laryngeal features, such as phonation types. Phonation types can differ in F₀, for instance, non-modal phonation can be associated with pitch lowering effects [Gordon, Ladefoged 2001]. Zapotec languages vary in this respect. Some have been reported to present tone and phonation restrictions, whereas in others tone and phonation would not interact

² The phonetic implementation of laryngealized vowels can be as rearticulated vowel [V̠V] or creaky voice [V̠].

or restrict each other, meaning that any tone can occur with any vowel phonation type.

The Zapotec subgroup presents complex phonologies that challenge the traditional feature theories. The phonological complexity is directly affected by the phonetics. The co-occurrence of contrasting features — vowel phonation and tones — can create phonetic conflicts in their implementation [Chávez, Mario 2010]. This paper presents a synchronic comparison of the rich diversity encountered in the prosodic structures of Zapotec languages. This investigation contributes to the cross-linguistic typology of contrastive phonation types and provides an analysis of the interactions between tone and phonation in Zapotec languages.

Bibliography

- Chávez, Mario 2010 — P. Chávez, E. Mario. *The Interaction of Metrical Structure, Tone, and Phonation Types in Quivianí Zapotec*. PhD Thesis. UNAM, Mexico, 2010.
- Fernández de Miranda 1995 — M. T. Fernández de Miranda. *El Protozapoteco* // M. J. Piper, D. A. Bartholomew (eds.). *Serie estudios de lingüística y literatura* 28. Mexico City: El Colegio de México and Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1995 (1970).
- Gordon, Ladefoged 2001 — M. Gordon, P. Ladefoged. *Phonation Types: A Cross-Linguistic Overview* // *Journal of Phonetics* 29, 2001. P. 383–406.
- Ladefoged 1971 — P. Ladefoged. *Preliminaries to Linguistic Phonetics*. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Silverman 1997 — D. Silverman *Phrasing and recoverability*. *Outstanding Dissertations in Linguistics*. London: Routledge, 1997.
- Suárez 1983 — J. A. Suárez. *The Mesoamerican Indian Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Teodocio Olivares 2009 — A. Teodocio Olivares. *Betaza Zapotec Phonology: Segmental and Suprasegmental Features*. PhD Thesis. The University of Texas Austin, Austin, 2009.

S. Mattiola

University of Pavia, Pavia — University of Bergamo, Bergamo

A SEMANTIC MAP OF PLURACTIONAL CONSTRUCTIONS

The aim of this talk is to propose a Conceptual Space of pluractional constructions.

Pluractionality marks event plurality through morphological strategies that apply to the verb (affixes, reduplication, stem alternation). Crosslinguistically, pluractional constructions show a large multifunctionality. We can recognize two types of functions: the core functions that are necessary to speak about pluractionality (1)–(3); the additional functions that are not necessary but that are recurrent in the languages of the world (4)–(6).

- plural events:

SQUAMISH

- (1) *Chen kwel-kwelesh-t ta sxwi7shn*

1S.SG RED-shoot-TR DET deer

‘I shot the deer several times/continuously’. [Bar-el 2008: 34]

- distributive:

BARASANO

- (2) *gahe-rūbū bota-ri kea-kudi-ka-bā idā*

other-day post-PL chop-ITER-FAR[^]PST-3PL 3PL

‘The next day they went from place to place chopping down posts (for the new house)’. [Jones, Jones 1991: 101]

- participant plural:

CENTRAL POMO

- (3) *háyu š-čé-w / š-čé-t-ʔ*

dog hooking_catch-PFV hooking_catch-PL-PFV

‘He tied up the dog/dogs’. [Corbett 2000: 244]

- habitual:

SANDAWE

- (4) *mindâ-tâ-nâ = sî hîk ʔ-wà*
 field-in-to=1SG go:SG-PL2
 ‘I go to the field’. [Steeman 2012: 188]

- intensive:

YIMAS

- (5) *ya-mpu-nanaŋ-tacay-ckam-tuk-mpun*
 V-PL-O.3PL-A.DUR.see(RED: TAY-)-show.RM-PAST.3PL-D
 ‘They were showing those to them very well (and they stared at those)’. [Foley 1991: 319]

- reciprocal:

JÓOLA KARON

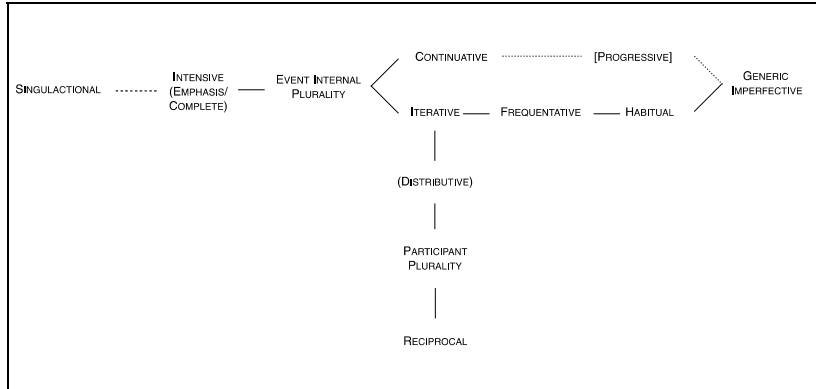
- (6a) *Sana ni Faatu ka-cuk-ool-a*
 Sana and Fatou 3PL-see-RECP-ACC
 ‘Sana and Fatou saw each other’.
- (6b) *Lopeel a-muus-ool-a*
 Robert 3SG-pass-PLCT-ACC
 ‘Robert went and came back’. [Sambou 2014: 149–150]

The first part of the talk presents the pluractional Conceptual Space [Croft 2001; Haspelmath 2003] in order to give a comprehensive account of its multifunctionality, see the map on the next page.

The Space is based on the comparison of 240 languages (variety/convenience sample). Pluractional core functions are posited in the center, while the vertical line points out the intersection with the *distribution parameter*. The plural part of the map (from event internal plural to imperfective) shows some linguistic correlations: e.g., a higher degree of grammaticalization and a progressive generalization of the meaning.

The second part of the talk tests the Space on three languages that are not in the sample: Akawaio, Beja, Maa. These case studies are based on the analyses of texts and show how pluractional constructions work in these languages presenting also the relative Semantic Maps.

A semantic map of pluractional constructions

Finally, we will state that the functions of pluractional constructions are better described adopting the Radical Construction Grammar [Croft 2001], which considers grammatical categories as language- and construction-specific rather than universal instances [Haspelmath 2007; Cristofaro 2009].

Bibliography

- Bar-el 2008 — L. Bar-el. Verbal Number and Aspect in *Skwkwú7mush* // *Recherches Linguistiques de Vincennes* 37, 2008. P. 31–54.
- Corbett 2000 — G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Cristofaro 2009 — S. Cristofaro. Grammatical categories and relations: universality vs. language specificity and construction-specificity // *Language & Linguistics Compass* 3(1), 2009. P. 441–479.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Foley 1991 — W. Foley. *The Yimas Language of New Guinea*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The New Psychology of Language*. Vol. 2. Mahwah: Erlbaum, 2003. P. 217–242.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Pre-established categories don't exist: consequences for language description and typology // *Linguistic Typology* 11(1), 2007. P. 119–132.

- Jones, Jones 1991 — W. Jones, P. Jones. *Barasano Syntax*. Dallas: SIL & University of Texas at Arlington, 1991.
- Sambou 2014 — P. Sambou. *Relations entre les rôles syntaxiques et les rôles sémantiques dans les langues jóola*. PhD Thesis. Cheikh Anta Diop University, Dakar, 2014.
- Steeman 2012 — S. Steeman. *A Grammar of Sandawe: A Khoisan Language of Tanzania*. PhD Thesis. Leiden University, Leiden, 2012.

A. Schmidt

University of Potsdam, Potsdam

DIAGNOSING THE VP STRUCTURE OF OV AND VO LANGUAGES

Among the Greenbergian word-order correlations, the basic word order of verb and object has proven to be the most wide-ranging predictor of the order of other elements (see [Biberauer, Sheehan 2013] for a review). Less typologically oriented studies found further properties that correlate with OV, in contrast to VO base order: the availability of scrambling [Haider 2010; Neeleman 2015], the availability of partial-predicate fronting [Haider 2010], the distribution of verb particles and resultative phrases [Haider 2013; Neeleman 2015], the absence of English-like subject-object asymmetries [Fukui 1986], the unavailability of non-verbal material between verbs and auxiliaries ([Haider 2010], aka. *Final-over-Final constraint* cf. [Biberauer et al. 2014]), and the possibility of word-order variability between verbs and auxiliaries [Evers 1975; Haider 2013]. These syntactic OV-VO differences go beyond the word-order correlations in that they allow for more fine-grained insights into the syntactic structure of a language. However, the empirical basis for these differences is mostly limited to a comparison of English and German or Dutch. The Uralic languages are ideal for extending the empirical basis of the potentially far-reaching impact of the “head parameter”, because of its diversity regarding word order [Vilkuna 1998].

This talk will discuss data from various diagnostics of VP structure in German, Udmurt and Estonian (OV), and English and Finnish (VO), partly based on earlier work [Schmidt 2016, forthcoming]. At least four diagnostics indicate OV-VO differences in VP structure: in contrast to VO languages, OV languages allow for information foci to appear *directly preverbal*, they allow for VP-internal object–subject order, they allow for partial VP fronting, and they allow for extraction from preverbal phrases. It will be concluded that there is no *obligatory*

VP-internal verb-raising in the sample OV languages (i.e., no shell structure), as independently predicted by Haider [2013] and Neeleman [2015]. In contrast to German however (and Japanese, [Fukui, Takano 1998]), Estonian and Udmurt allow for *optional* V-raising, resulting in surface VO orders with clause-final foci. Finnish, on the other hand, contrasts with English in exhibiting obligatory V-raising to a VP-external position akin to French, thus obfuscating VP-internal structures. Furthermore, preverbal positions in OV languages can be VP-internal *lexical* projections, including the subject, while preverbal positions in VO languages are *functional* projections.

In sum, this talk will add to the understanding of the “head parameter” as a predictor of cross-linguistic differences and the theoretical underpinnings thereof. Additionally, relating optional VO order in OV languages to optional V-raising will offer an approach on how to conceive the OV-VO dichotomy as a continuum.

Bibliography

- Biberauer et al. 2014 — T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts. A syntactic universal and its consequences // *Linguistic Inquiry* 45, 2014. P. 169–225.
- Biberauer, Sheehan 2013 — T. Biberauer, M. Sheehan. Introduction // T. Biberauer, M. Sheehan (eds.). *Theoretical Approaches to Disharmonic Word Order*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–41.
- Evers 1975 — A. Evers. *The Transformational Cycle of Dutch and German*. Utrecht: University of Utrecht, 1975.
- Fukui 1986 — N. Fukui. *A Theory of Category Projection and Its Applications*. Cambridge: MIT, 1986.
- Fukui, Takano 1998 — N. Fukui, Y. Takano. Symmetry in syntax. Merge and demerge // *Journal of East Asian Linguistics* 7, 1998. P. 27–86.
- Haider 2010 — H. Haider. *The syntax of German*. Cambridge, UK: University Press, 2010.
- Haider 2013 — H. Haider. *Symmetry breaking in syntax*. Cambridge, UK: University Press, 2013.
- Neeleman 2015 — A. Neeleman. Two Asymmetries between Pre- and Post-Head Order and Their Implications for Syntactic Theory. Manuscript. University College London, 2015. (ling.auf.net/lingbuzz/002207).
- Schmidt 2016 — A. Schmidt. Udmurt as an OV language. And Finnish as a VO language. Master’s Thesis. Universität Potsdam, Potsdam, 2016.

Diagnosing the VP structure of OV and VO languages

Schmidt forthcoming — A. Schmidt. The Head Parameter as a Predictor of Systematic Syntactic Differences. To appear.

Vilkuna 1998 — M. Vilkuna. Word order in European Uralic // A. Siewierska (ed.). *Constituent Order in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 173–233.

J. Stojković

University of Leipzig, Leipzig

VOWELLESS MORAS AND VARIETIES OF A LANGUAGE GAME

1. Aim

I discuss novel data from two dialects of a Serbo-Croatian (SC) language game, *šatrovački*. I provide a unified OT analysis of both dialects and, following [Itô et al. 1996] on *zuiuja-go*, I show that *šatrovački* follows the principle of mora epenthesis as the maximal violation of correspondence with the host language. Additionally, in contrast with traditional view that SC has five vowel phonemes (/a, e, o, i, u/) and that schwa can only appear as a transitional effect in consonant clusters, I argue that schwa is a phonetic implementation of a vowelless mora.

2. Background

Šatrovački is a SC syllable reversal game, comparable to *verlan* in French or *zuiuja-go* in Japanese. I focus here on outputs based on monosyllabic source forms (SF), which are created by moving the consonantal material to the front of the word. The output forms (OF) are adapted to conform to the phonology of the host language by epenthesis, implemented as sonorant syllabification or surfacing schwa vowel. Data based on recorded conversations with 20 native speakers of *šatrovački* and supplemented with examples from [Rizzolo 2004] reveal that there are two ‘dialects’ of *šatrovački*, which differ in the way epenthesis applies and how much material is displaced. In (1), epenthesis is employed only to satisfy phonotactic (1b) or prosodic (1c, d) requirements. In (2), epenthesis overapplies; schwa is present even when it is not phonotactically necessary (2a). All consonantal material is moved in (2e), cf. (1e), and in both varieties, the syllable headed by schwa is always accented.

ŠATROVAČKI 1

- (1) a. *muž* [muʒ] → [‘ʒmu] ‘husband’
 b. *dop* [dop] → [‘pə.do] ‘dope’
 c. *smor* [smor] → [‘R.smo] ‘boredom’
 d. *dlan* [dlan] → [‘nə.dla] ‘palm’
 e. *bend* [bend] → [‘də.ben] ‘band’

ŠATROVAČKI 2

- (2) a. *muž* [muʒ] → [‘ʒə.mu] ‘husband’
 b. *dop* [dop] → [‘pə.do] ‘dope’
 c. *smor* [smor] → [‘R.smo] ‘boredom’
 d. *dlan* [dlan] → [‘nə.dla] ‘palm’
 e. *bend* [bend] → [N.‘də.be] ‘band’

3. Proposal

Previous analyses of syllable reversal games ([Itô et al. 1996] for *zuujā-go*, [Friesner 2005] for *verlan*, [Rizzolo 2004] for *šatrovački*) fail to account for dialectal differences or are forced to introduce additional machinery such as ‘reverlanization’ [Friesner 2005: 23]. I offer a unified OT account of both dialects, showing that they are the result of constraint reranking. I argue that in both dialects epenthesis is not simply triggered by requirements on syllable margins — it involves interplay of constraints regulating foot structure and assignment of accent.

4. Analysis

The reversal of phonological material is driven by the Cross-Anchor constraint ([Itô et al. 1996]; not included here). The difference in the size of the displaced material can be explained by reference to *Coda-WdFin, a constraint prohibiting word-final codas, high ranked in *šatrovački 2* (cf. (2e)), but not in *šatrovački 1* (cf. (1e)). Both existence of schwa (allowed by ranking Dep-μ lower than the drivers and other faithfulness constraints) and syllabification can be partly attributed to requirements on syllable structure. These are expressed with the SylMarg constraint, which demands that onset clusters not be of descending sonority [Zec 2002: 251]. The relative ranking of these con-

straints alone is enough to account for [‘pə.do] (1b), (2b), Table 1 and [ʒmu] (1a), Table 2.

Table 1. /dop/

	SylMarg	Dep-IO	Dep-μ
a. [‘pdo]	*!		
b. [‘pa.do]		*!	*
▶ c. [‘p ^u .do]			*

Table 2. /muʒ/, *šatrovački* 1

	SylMarg	Dep-IO	Dep-μ
▶ a. [‘ʒmu]			
b. [‘ʒa.do]		*!	*
c. [‘ʒ ^u .do]			*!

However, the difference between (1a), cf. Table 2a, and (2a), cf. Table 1c, lies in the high ranking of FtBin for *šatrovački* 2, requiring feet in the OFs to be bimoraic, as illustrated in Table 3, but not for *šatrovački* 1 (Table 2).

Table 3. /muʒ/, *šatrovački* 2

	FtBin	Syl Marg	Dep-IO	Dep-μ
a. [‘ʒmu]	*!			
b. [‘ʒa.mu]			*!	*
▶ c. [‘ʒ ^u .mu]				*

The current ranking, with the addition of low-ranked Licence-μ, that puts a ban on vowelless moras, predicts that the word-initial sonorant should become syllabified, as illustrated in Table 4. Zec’s Son-φ[-cons] constraint [Zec 2003: 127] requires that the head of the foot be vocalic, which, coupled with the assumption that /r/ is a [-cons] segment [Ibid.], means that only vowels and [r] can be accented.

Table 4. /smor/

	Son-φ[-cons]	SylMarg	Dep-IO	Licence-μ	Dep-μ
a.[‘rsmo]		*!			
b.[‘ra.smo]			*!		*
▶ c.[‘R.smo]					*
d.[‘r ^h .smo]				*!	*

We see in (1e), (2e) that nasal segments can in principle be syllabified, so a complete ban on syllabic nasals is not a licit solution. The difference between [‘nə.dla] and [‘R.smo] lies in the quality of the initial segment. In Table 5, the constraint eliminates candidate c., which contains an accented nasal stop. This can be contrasted with Table 4, where the constraint is satisfied by all candidates. As a result, the choice between candidates c. and d. is passed on to Licence-μ.

Table 5. /dlan/

	Son-φ[-cons]	SylMarg	Dep-IO	Licence-μ	Dep-μ
a.[‘ndla]		*!			
b.[‘na.dla]			*!		*
c.[‘N.dla]	*!			*	*
▶ d.[‘n ^h .dla]				*	*

In [N’də.be], the fully faithful candidate also satisfies Son-φ[-cons]: although it does contain a syllabic nasal, it is unaccented. The licensing constraint, following the high rank of *Coda-WdFin, chooses candidate e. over f. in Table 6, see the next page.

Finally, the quality of the surfacing vowel needs to be accounted for. Usually, this is viewed as an instance of the Emergence of the Unmarked [McCarthy, Prince 1994], with the vowel being the least marked segment given the language-specific hierarchy of segment in-

ventory constraints. If we follow Friesner’s [2005] claim that the epenthetic segment must be present in the grammar of the host language, then schwa is a licit vowel of SC. Its absence in the lexicon of SC would then have to be viewed as an accidental gap. If the existence of schwa is understood as underlyingly an unlicensed mora, in that case schwa is nothing more than a phonetic effect in SC.

Table 6. /bend/

	*Coda-WdFin	FtBin	Son- φ[-cons]	Max	SylMarg	Licence-μ	Dep-μ
a. [‘d ^μ .ben]	*!					*	*
b. [‘ndbe]		*!			*		
c. [‘d ^μ .be]				*!		*	*
d. [‘N.d ^μ .be]			*!			*	*
▶ e. [N.‘d ^μ .be]						*	**
f. [n ^μ .‘d ^μ .be]						**!	**

Bibliography

- Friesner 2005 — M. Friesner. A unified account of the French language game of verlan // Paper presented at The Second Symposium of the Penn Working Group in Language, April 2, 2005. University of Pennsylvania, 2005.
- Itô et al. 1996 — J. Itô, Y. Kitagawa, A. Mester. Prosodic faithfulness and correspondence: Evidence from a Japanese argot // *East Asian Linguistics* 5, 1996. P. 217.
- McCarthy, Prince 1994 — J. McCarthy, A. Prince. Output-to-output Correspondence and the Emergence of the unmarked // M. Gonzalez (ed.). *Proceedings of the North East Linguistic Society* 24. Amherst, MA: Graduate Linguistics Student Association, 1994. P. 333–379.
- Prince, Smolensky 1993 — A. Prince, P. Smolensky. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Rutgers University Center for Cognitive Science Technical Report 2. New Jersey: Rutgers University, 1993.

- Rizzolo 2004 — O. Rizzolo. Šatrovački: la construction et l'exploitation d'un corpus de verlan serbo-croate // *Corpus 3*, 2004. (<http://corpus.revues.org/237>).
- Zec 2002 — D. Zec. The role of prosody in morphologically governed phonotactic regularities // *Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory 14*, 2002. P. 250–277.
- Zec 2003 — D. Zec. Prosodic weight // C. Féry, R. van de Vijver (eds.). *The Optimal Syllable*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 124–143.

J. Ye, L. Becker

Fudan University, Shanghai, Leipzig University, Leipzig

DISCOURSE REFERENCE AND ARTICLES: A PARALLEL CORPUS STUDY

1. Background

Referring expressions and definiteness have been a prominent topic of discussion from various linguistic perspectives, e.g. within formal semantic [Hawkins 1978; Heim 1988], cognitive/functional [Löbner 1985; Ariel 1988; Gundel et al. 1993], and comparative approaches [Lyons 1999; Schwarz 2009]. These notions are intertwined with the functions of articles [Givón 1981; Hawkins 1991; Himmelmann 1997] and with the question of coding strategies in languages without articles. However, there seems to be less recent comparative quantitative work on the expression of discourse reference.

2. Aim of the study

The study aims at investigating the strategies used to mark discourse reference and definiteness, as well as determining the role of articles therein.

3. Methodology

We used a parallel corpus based on movie subtitles [Levshina forthcoming], which allows for quantitative cross-linguistic comparison, at the same time controlling for semantics/pragmatics. Having chosen two languages with no article system (Chinese, Russian) and two languages with articles (German, Hungarian), we extracted 400 sentences with comparable referents in all four languages and so far manually annotated Chinese and German for (i) formal properties of the noun phrase (syntactic position, article, possessive, demonstrative, classifier, attributive adjective, numerals, number), and (ii) semantic properties of the noun phrase, as well as functions associated with

definiteness. Based on the givenness hierarchy proposed in [Gundel et al. 1993], we distinguished between six cognitive statuses of identifiability:

- (1) Givenness Hierarchy
 in focus > activated > familiar > uniquely identifiable > referential > type identifiable

In addition, we noted anaphoric and deictic uses, adapted from [Ariel 1988], considering the distance between antecedent and anaphoric expression.

4. Preliminary results

Using random forests, we calculated the predictive strength of each factor (i.e. formal and semantic properties of the noun phrase, anaphoric uses) with respect to the NP's status on the givenness hierarchy. The conditional variable importance is given below for both languages; greater numbers indicate greater predictive strength of the factor:

Table 1. Conditional variable importance (German)

syntactic position	demonstrative	animacy	adjective	number	article	noun type	possessive	anaphoricity
-0.0011	0.0000	0.0001	0.0045	0.0127	0.0164	0.0335	0.0653	0.1070

Table 2. Conditional variable importance (Chinese)

article	adjective	animacy	demonstrative	syntactic position	anaphoricity	number	noun type	possessive
0.0000	0.0001	0.0004	0.0005	0.0009	0.0053	0.0177	0.0382	0.0840

In German, the most relevant factor is anaphoricity; the article, unexpectedly, being less important. In Chinese, the syntactic position seems to be a slightly stronger predictor than in German. Possessive markers and the noun type (e.g. mass, count, abstract, proper noun) on the other hand, play a major role in determining the status on the givenness hierarchy in both languages. Despite minor differences, these results question a fundamental split between languages with and without articles with respect to their coding of discourse reference and definiteness.

Bibliography

- Ariel 1988 — M. Ariel. Referring and accessibility // *Journal of Linguistics* 24(1), 1988. P. 65–87.
- Givón 1981 — T. Givón. On the development of the numeral ‘one’ as an indefinite article // *Folia Linguistica Historica* 2, 1981. P. 35–53.
- Gundel et al. 1993 — J. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // *Language* 69(2), 1993. P 274–307.
- Hawkins 1978 — J. Hawkins. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London — Atlantic Highlands, N.J.: Croom Helm — Humanities Press, 1978.
- Hawkins 1991 — J. Hawkins. On (in)definite articles: implicatures and (un)grammaticality prediction // *Journal of Linguistics* 27(2), 1991. P. 405–442.
- Heim 1988 — I. Heim. *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. New York: Garland Pub, 1988.
- Himmelman 1997 — N. Himmelman. *Deiktikon, Artikel, Nominalphrase: Zur Emergenz Syntaktischer Struktur*. Tübingen: Niemeyer, 1997.
- Levshina forthcoming — N. Levshina. Verbs of letting in Germanic and Romance: a quantitative investigation based on a parallel corpus of film subtitles // *Languages in Contrast*. To appear.
- Löbner 1985 — S. Löbner. Definites // *Journal of Semantics* 4, 1985. P. 279–326.
- Lyons 1999 — C. Lyons. *Definiteness*. Cambridge — New York: Cambridge University Press, 1999.
- Schwarz 2009 — F. Schwarz. *Two Types of Definites in Natural Language*. PhD Thesis. University of Massachusetts, Amherst, 2009.

II. Лекции

E. Gruzdeva, N. Vakhtin

*University of Helsinki, Helsinki,
European University in Saint Petersburg, Saint Petersburg*

LANGUAGE OBSOLESCENCE IN POLYSYNTHETIC LANGUAGES

1. Introduction

The lecture deals with structural changes in those polysynthetic languages that find themselves in the situation of language shift. The principal question here is: what happens, at different linguistic levels, to a polysynthetic language when it falls out of use, becomes obsolescent and is gradually replaced by a dominant language.

2. Key concepts

Polysynthetic language vs. polysynthetic features. In this lecture we speak of attrition of polysynthetic *features* rather than attrition of polysynthetic *languages*. We assume that similar polysynthetic features behave in a similar way regardless of whether other subsystems of the language in question are polysynthetic.

Language obsolescence refers to the process in which a bilingual speech community starts using their second language more often, to the extent that it becomes ‘dominant’, while their first (“recessive”) language gradually loses its functional domains and may eventually be abandoned.

Stages of language loss. Earlier stages of language obsolescence are not easy to diagnose; *the terminal stage* of language obsolescence (characterized by a radical reduction and total disintegration of the recessive language) is not particularly interesting from a linguistic point of view. The focus of this lecture is on the *middle stage* of language obsolescence.

Language attrition pertains to a decrease in language proficiency that manifests itself in various kinds of reductive phenomena.

Language decay typically results in a general *simplification* and *reduction* of the recessive language's grammar and lexicon. *Simplification* is the elimination of competing structures or their reanalysis as a result of which the language becomes more regular. Conversely, *reduction* is characterized by the loss of structural elements without their compensation by other elements from a recessive language.

3. Obsolescence-induced changes in polysynthetic languages

TLAHUICA

(1a) *kiat-kwe-p-tyii(-nkwe(-βi))*
 FUT-1PL-EXCL-sing(-DU-(EXCL))
 'We (two, but not you) will sing'.

(1b) *kiat-kwe-p-tyii(-hñə-βi)*
 FUT-1PL-EXCL-SING(-PL-(EXCL))
 'We (all, but not you) will sing'.

[Campbell and Muntzel 1989: 191–192]

KABARDIAN

(2a) *Ø-q°ə-să-yə-t + a-ś*
 3SG.OBJ-to-1SG-3SG.SUBJ-give+PRF-DEC
 'S/he gave me that/it'.

(2b) *abə sə q°ə mər Ø-zə-yə-t + a-ś*
 3SG:ERG 1SG to/for it 3SG.OBJ-1SG-3SG.SUBJ-give+PRF-DEC
 'S/he gave that to me'. [Polinsky 1995: 97]

KORE

(3a) *aná-lbâyán k-é-ðà ngólòŋ*
 this-man S-3SG-be sun/hunger
 'This man is hungry'.

(3b) *k-é-ðà ngólòŋ*
 S-3SG-be sun/hunger
 'I am hungry'.

[Dimmendaal 1992: 123]

- PIPIL
 Traditional form Newer form
 (4a) *ni-panu-s* *ni-yu ni-panu*
 I-pass-FUT I-go I-pass
 ‘I will pass’. ‘I will pass’ (lit. ‘I am going to pass’).
- Traditional form Newer form
 (4b) *ti-panu-ske-t* *ti-yawi-t ti-panu-t*
 we-pass-FUT-PL we-go-PL we-pass-PL
 ‘We will pass’. ‘We will pass’ (lit. ‘We are going to pass’).
 [Campbell, Muntzel 1989: 192–194]
- ONTARIO CAYUGA
 (5a) *tqsasatkahaté:nih*
 DU.REPETITIVE-2SG-SEMI.REFLEXIVE-turn.around
 ‘turn back around, re-turn’
- OKLAHOMA CAYUGA
 (5b) *teskqa:té:ni* *é:ʔ*
 DU-2SG.A-SEMI.REFLEXIVE-turn.around again
 ‘turn around again’ [Mithun 1989: 248–249]
- SIBERIAN YUPIK
 (6a) *aa whanga-ngina-ghhaag-lleq-u-nga*
 yes me-only-DIM- FUT- INTR-1SG.SUBJ
 ‘Yes, I will be all alone’.
- (6b) *wetku unami tagi-lleq-u-q*
 only tomorrow come-FUT-INTR-3SG.SUBJ
 ‘He will only come tomorrow’.
 (adapted from [Vakhtin, field notes; Rodionova 2012])
- TRADITIONAL VS. MODERN TIWI
 (7a) *a-mpi-ni-watu-wuciŋi-ma-cirakiŋiŋi-yaŋu[imay-ami*
 she-NPst-LOC-morn-DUR-COM-light-walk-MOVEMENT
 ‘She (the sun) is shining over there in the morning’.

- (7b) *capinari wokapat / mup a-mpi-ciki-mi kutawa*
 morning walk move she-NPst-DUR-do there
with layt
 with light
 ‘She (the sun) is shining over there in the morning’.

[Lee 1987: 2]

TUCANO

- (8a) *ba’ã-tiha-mi*
 eat-do.little.by.little-3SG.MASC.PRES.VIS
 ‘(The child) is eating little by little’.

TARIANA

- (8b) *emite di-hya-yena-naka*
 child 3SG.NF-eat-little.by.little-PRES.VIS
 ‘The child is eating little by little’. [Aikhenvald 2002: 148]

SIBERIAN YUPIK

- (9a) *kamə-lluk*
 shoe-OLD
 ‘worn-out shoes’

- (9b) *utuka-k kamək*
 old-DU shoe-DU
 ‘worn-out shoes’

[Vakhtin, field notes]

ONTARIO CAYUGA

- (10a) *ko-²nqhs-owanę*
 F.SG.PAT-onion-large.STATIVE
 ‘She has a big onion’.

OKLAHOMA CAYUGA

- (10b) *k-uwane ²nqhs-a²*
 N-big.STATIVE onion-NOMINAL.SUFFIX
 ‘The onion is big’.

[Mithun 1989: 250]

SIBERIAN YUPIK

- (11a) *amiraq tukfi-ima-a*
 hide buy-past-3SG.AG.3SG.OBJ
 ‘He bought a hide’.
- (11b) *amira-ng-uma-q*
 hide-ACQUIRE-PAST-3SG.SUBJ
 ‘He acquired a hide’.
- (11c) *tukfi-lgha-ten hlivu-q* → *hlive-nge-lgha-ten*
 buy-OPT-2SG bread-ABS bread-ACQUIRE-OPT-2SG
 ‘Buy bread!’ ‘Buy (get) bread!’
 [Vakhtin, field notes]

4. Conclusion

Polysynthetic language attrition is primarily manifested in the collapse of complex morphological structure — the most prominent feature of polysynthetic languages. The consequences of polysynthetic language decay involve the loss of morphological “slots”, the reduction in the number of bound morphemes and their substitution by free ones, the “fossilization” of markers and their reanalysis, the deprivation of word formation productivity, the destruction of noun incorporation, and reduction in allomorphy. In the speech of non-fluent speakers, complex verb forms are often no longer considered as sufficient for clause formation and are expanded by overt pronouns or full NPs. In general, there is a clear tendency towards the use of analytical forms instead of (poly)synthetic ones.

J. Nichols

University of California, Berkeley

**STATE-BASED VS. TRANSITION-BASED
LEXICAL EVENT STRUCTURE**

The received view of event structure sees a state as basic, possible inchoativization of the state, and possible causativization of the inchoative:

[[[state] inchoative] causative]

e.g.

- (1) *sit* *sit down* *seat, have sit*, etc.
sitzen *sich setzen* *setzen*

But in many languages, for most verbs, not the state but the inchoative is basic, or state and inchoative are non-distinct, differentiated only by TAM inflection. To avoid confusion with existing semantic terms I speak of *static*, *dynamic*, and *causative* forms. Examples of a base-dynamic set (9 = pharyngeal):

	INGUSH (NAKH-DAGHESTANIAN)	LATE PROTO-SLAVIC
(2a)	static:
<i>9a-xei-na</i> <i>d.aagha</i>
down-sit-CV D.sit.PRES	<i>*sēd-ē-</i>
(2b)	dynamic:
<i>9a-xou</i>
down-sit	<i>*sēd-</i>
(2c)	causative:
<i>9a-xoa-v.u</i>
down-sit-V.CAUS	<i>*-sād-ī-</i>

(Both languages have some vowel ablaut. This is automatic assimilation to the vowel of the inflectional ending in Ingush, but part

of the factitive/transitivizing derivational morphology in Slavic.)

An ingressive set, where inchoative and state are equally basic and only TAM differentiates them:

INGUSH

(3a) static:

v.oudz-Ø (*suona yz*)
 V.know-PRES 1SG.DAT 3SG
 ‘I know him’.

(3b) dynamic:

v.eiz-ar (*suona yz*)
 V.know-PAST 1SG.DAT 3SG
 ‘I recognized him’.

This paper reports a cross-linguistic survey, chiefly of Eurasia, of the three posture verbs (‘sit’, ‘stand’, ‘lie’) and three psych verbs (‘kennen’, ‘wissen’, and ‘see’), all in their static, dynamic, and causative forms. The survey shows that languages tend to be base-static, base-dynamic, equipollent static = dynamic, or (much less common but found in Europe) base-causative in their overall preferences. The base-static type predominates in western Eurasia, with base-causative also making a showing in Europe (Germanic, Slavic, Romance, Albanian, Greek). Base-dynamic and/or ingressive dominate east of Europe and apparently also in North America. I propose some typological correlations and an account of which base type is lexically most stable, under what conditions, and why. If current frequency trends keep up with further sampling, and base-dynamic and lexical event structure and/or ingressive aktionsart dominate worldwide, then linguists need to wonder whether the received view of event structure isn’t perhaps Eurocentric and it isn’t states but transitions and endpoints that are basic to lexical meaning.

B. Wälchli

Stockholm University, Stockholm

SPECIFIC AND NON-SPECIFIC PERCEPTION VERBS AND LEXICAL TYPOLOGY

Despite many differences, most grammatical (viewpoint) and lexical (time-schema) approaches to aspect share the view that aspect is a matter of strict discrete distinctions (imperfective vs. perfective; non-telic vs. telic). This even holds when particular behavior of certain groups of verbs is accounted for by subcategorization of situation types (such as inceptive-stative verbs). In this paper it is argued that aspect in ‘see’ and ‘hear’ is best viewed as a continuum, that aspect in perception verbs differs from other situation types, and that aspect even differs across different sense modalities (especially ‘see’ vs. ‘smell’). It is argued that the bias toward discrete solutions is due to a bias toward monolingual studies and typological studies where categorical distinctions are taken for granted a priori.

Categorization is found in all natural languages, but is non-isomorph across languages. For exploring semantic space it is hence indispensable to compare categorization across languages (widely known as the “semantic map approach”). In this endeavor, granular cross-linguistic comparison on the level of language use is more important than the genealogical and areal diversity of languages considered. If the domain to be investigated is categorized differently in closely related languages, it may actually be an advantage to sample many closely related languages.

In this paper, the data used for cross-linguistic comparison on the level of language use is parallel texts in a world-wide sample with a strong bias toward Europe (New Testament) and in European languages (several works in the Parasol-Corpus). Semantic maps are built semi-automatically with multidimensional scaling.

In Slavic languages, perfective and imperfective aspect is grammatical and lexical at the same time, and this seems to be cross-

linguistically rare. However, if we build a semantic map of ‘see’ from parallel text data exclusively on the basis of lexical verbs (with Slavic excluded) the resulting space is highly sensitive to aspect. This suggests on the one hand that the study of lexical typology of perception verbs cannot be strictly separated from the study of aspect and on the other hand that many lexical distinctions in perception verbs are related to aspect. In order to account for this, a new term — “specificity” — is introduced and it is explored what are the semantic factors behind specificity. The specificity cline found in semantic maps is evidence against a neat distinction reflecting lexical aspect (state vs. achievement) and for the relevance of domain-specific factors such as conditions for and exposure to perception. This calls for the consideration of psychological theories on perception in order to account for perception verb semantics.

Specificity in perception verbs turns out to be highly lexicalized in many languages of Eastern, Central and Northern Europe and is often expressed morphologically by prefixation (but not always, in Swedish, e.g., it is expressed with an auxiliary). The question thus arises as to what extent specificity is an areal phenomenon of Eastern Europe and how old it is in Eastern Europe. Of particular interest are the Baltic languages, which display very similar lexical distinctions as found in Slavic, but where specificity is not forced into a rigid system of grammatical aspect.

СОДЕРЖАНИЕ

І. Доклады

- Е. С. Аплонова (Санкт-Петербург)*
Употребление терминов родства без посессора в языке бамана5
- П. М. Аркадьев (Москва)*
Взаимодействие акциональности, аспекта и времени в условных
конструкциях кубанского диалекта кабардино-черкесского языка9
- Т. А. Архангельский, М. Н. Усачёва (Москва)*
Функции посессивного показателя 3 лица
в бесермянском удмуртском: анализ размеченного корпуса13
- К. А. Багдасарян (Москва)*
К лексической типологии глаголов извлечения объекта16
- М. А. Бибаева (Москва)*
Депиктивы в горномарийском языке19
- Д. А. Бикина (Москва)*
Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке.....21
- А. Д. Бочкова (Москва)*
Числовое маркирование существительных в горномарийском языке24
- А. И. Виняр, Е. А. Герасименко (Москва)*
Несинтаксические ограничения на инкорпорацию в чукотском языке ...29
- О. С. Волков, Д. И. Игнатенко (Москва)*
Глагольные деривации чукотского языка
сквозь призму глагольной множественности33
- М. К. Воронов, Д. Д. Мордашова (Москва)*
Горномарийские глагольные конструкции с $\hat{a}l'ə / \hat{a}l\hat{a}n$ в зоне
«сверхпрошлого» и за ее пределами36
- О. А. Воронцова (Москва)*
Притяжательные именные группы в юго-западных языках манде40

<i>А. Р. Гарейшина (Москва)</i> Коррелятивы в горномарийском языке — относительные предложения или топик?	42
<i>Ф. В. Голосов, А. А. Козлов (Москва)</i> Горномарийские прошедшие времена	45
<i>Т. И. Давидюк, Л. С. Козлов (Москва)</i> Латив в горномарийском языке	49
<i>Е. В. Деликанова (Москва)</i> Некоторые способы выражения модальности в бурятском языке	53
<i>В. В. Дьячков (Москва)</i> Шкалы прилагательных и аспектуальные свойства деадъективных глаголов: в поисках принципов взаимосвязи	57
<i>И. А. Зибер (Москва)</i> Предударный и ударный слоги как единый комплекс: о случаях ассимилятивной лабиализации гласных	60
<i>В. А. Иванов (Москва)</i> Идеофоны в функции интенсификатора (на материале пермских языков)	63
<i>Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, М. А. Сидорова (Москва)</i> Типологические открытия в поле закрывания (семантика глаголов со значениями 'открыть' и 'закрывать')	66
<i>Е. Г. Колос (Москва)</i> Об оформлении прямого дополнения и посессора ИГ в баргузинском диалекте бурятского языка	70
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Между одновременностью и предшествованием: к типологии лимитива как особого таксисного значения	75
<i>М. А. Нагорная (Москва)</i> Составной рефлексив в бурятском языке	79

Содержание

<i>С. О. Никифорова (Москва)</i> Конструкции с адвербиальными глаголами в иврите.....	82
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> <i>Давайте ж умрем под Москвой:</i> о конкуренции средств выражения гортатива в русском языке	85
<i>А. С. Пискунова (Москва)</i> Корреляция дистрибуции падежного показателя <i>-š/-škâ(ä)</i> со шкалой одушевленности в горномарийском языке	89
<i>Е. А. Рыжкова (Санкт-Петербург)</i> Уточнение статуса некоторых «адлогов» в ингерманландском финском	92
<i>И. В. Саркисов (Москва)</i> Эргативность в новоарамейских языках.....	96
<i>М. А. Сидорова (Москва)</i> Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях	99
<i>Г. Е. Сим (Москва)</i> Структура условных конструкций бурятского языка.....	103
<i>И. А. Стенин, Д. О. Жорник (Москва)</i> Несколько наблюдений над мокшанским пассивом.....	106
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i> Контроль рефлексива в нанайском языке: перестройка грамматической системы?.....	109
<i>Е. А. Сударикова (Москва)</i> Посессивность и относительность в чукотском языке на примере показателей <i>-in(e)/-en(a)</i> и <i>-kin(e)/-ken(a)</i>	113
<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> Порядок слов <i>очень</i> в <i>плачевном состоянии</i> : «внешняя» и «внутренняя» адвербиальная модификация в русских предложных группах типа Prep + Adj + N.....	117

<i>М. Н. Усачёва (Москва)</i> Атрибутивы на -о в бесермянском удмуртском.....	121
<i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> Семантический компонент 'комплетив' и акциональная классификация русской глагольной лексики на базе отдельных глаголов	125
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> <i>Нашедшего просьба позвонить</i> : иллокуция и аргументная структура..	128
<i>Е. А. Христофорова (Москва)</i> Агентивность семантических классификаторов в русском жестовом языке	132
<i>A. García (Aarhus)</i> Phonation types and tone in Zapotec languages: a synchronic comparison ..	135
<i>S. Mattioli (Pavia, Bergamo)</i> A semantic map of pluractional constructions	138
<i>A. Schmidt (Potsdam)</i> Diagnosing the VP structure of OV and VO languages.....	142
<i>J. Stojković (Leipzig)</i> Vowelless moras and varieties of a language game.....	145
<i>J. Ye, L. Becker (Shanghai, Leipzig)</i> Discourse reference and articles: a parallel corpus study	151

II. Лекции

<i>E. Gruzdeva, N. Vakhtin (Helsinki, Saint Petersburg)</i> Language obsolescence in polysynthetic languages	157
<i>J. Nichols (Berkeley)</i> State-based vs. transition-based lexical event structure	162
<i>B. Wälchli (Stockholm)</i> Specific and non-specific perception verbs and lexical typology	164
Содержание	166

Научное издание

Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. СПб.: Нестор-История, 2016. — 170 с.

Утверждено к печати Ученым советом Института лингвистических исследований РАН.

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН. Оригинал-макет подготовил С. Б. Клименко.

Подписано к печати 14.11.16. Формат 60х90 1/16. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Нестор-История».

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Тел./факс: (812)6220123.
menager_nestor@list.ru